

A detailed oil painting of a young woman's face, looking slightly upwards and to the left. The painting is characterized by soft, visible brushstrokes and a warm, somewhat somber color palette. The woman has light blue eyes and a subtle smile.

Анна Берсенева

MAINSTREAM

COLLECTION

The lower portion of the portrait painting, showing the woman's neck and shoulders. The brushwork is more expressive and darker, with shades of blue, grey, and brown.

Игры сердца

Анна Берсенева

Игры сердца

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433112

Игры сердца: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-45160-9

Аннотация

Молодость, любовные игры юного сердца – как это увлекательно! Нелли Луговская постаралась продлить их на всю жизнь. И это ей удалось: годы идут, а она по-прежнему выглядит как цветок – хотя и поблекший, но прекрасный. Только вот даже самые близкие люди не знают, какой глубокой душевной горечью обернулись для нее беспечные игры юности, которая пришлась на незабываемые 60-е годы с их романтикой и иллюзиями... Роковые ошибки маминой молодости приходится исправлять ее взрослому сыну Ивану. Хватит ли у него для этого мужества и воли? И как он поведет себя, когда после долгих и увлекательных странствий по всему свету судьба вдруг забросит его из Москвы в маленький провинциальный городок?..

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	71
Глава 10	76
Глава 11	89
Глава 12	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Анна Берсенева

Игры сердца

Дорогой читатель Митрес!
Я старалась писать свои
книжки так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

т. Со —————
(Анна Берсенева)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Всю ночь он слышал этот шепот. Льдинки падали ему на плечи сверху, с мачты и лееров, шелестели о штормовку, и от этого казалось, будто он стоит в самом центре какого-то огромного разговора – шепота небесных губ.

Иван улыбнулся во сне. Про небесные губы – это в самом деле было очень смешно; наяву он никогда не думал таким образом, а во сне вот прорвалась книжная романтика.

Он вернулся в Москву неделю назад, и до сих пор не отпускал его Север. Иван считал, что все ощущения, связанные с поездками, уже ему знакомы, но теперь вдруг выяснилось, что он ошибался: отделить себя от Севера, оставить его за спиною оказалось труднее, чем расстаться с ощущениями от любых прежних экспедиций. Даже десятилетней давности работа на «Титанике» с Кэмероном сделалась прошлым как-то быстрее и легче.

Впрочем, тогда он просто был моложе, и, наверное, дело было только в этом.

Иван подумал об этом спокойно: опасливое отношение к собственному возрасту, страх перед ним были ему неведомы. Тоже вследствие возраста, возможно: не так уж это мно-

го, его тридцать пять лет, чтобы такого возраста опасаться. Все эти мысли мелькнули у него в голове одновременно и мгновенно. Потом он открыл глаза.

Прямо на него смотрели глаза африканского бога. Взгляд был бесстрастный, как и все выражение черного деревянного лица. Женщины, когда встречали по утрам этот взгляд, ахали, иногда даже визжали, и поцелуй в этом случае являлся лишь свидетельством естественной мужской заботы – «ну не бойся, что ты, это же просто африканская маска!» – не становясь намеком на нечто большее.

Иван и не предполагал, когда выменивал эту маску на кроличью ушанку под истовые заверения продавца: «Эбен, эбен натур, но гуталин!» – что сенегальский божок окажется так функционален. С его помощью снималась неловкость утреннего общения с женщиной, если ночь с ней прошла под знаком «типичное не то», и появлялся прекрасный предмет для необременительного разговора, который все-таки приходилось же с ней вести, не прямо же из постели ее на улицу провоживать.

К тому, что женщины «типичное не то» появляются в его жизни нередко, Иван относился спокойно. Если ты здоров и вернулся домой после долгой экспедиции, то женщина тебе нужна, и нужна сразу – это понятно. Вероятность того, что сразу подвернувшаяся женщина окажется стопроцентным попаданием, не слишком велика. Значит, надо быть готовым к случайным женщинам и уметь с ними расставаться.

Он умел.

Была, конечно, более простая возможность решения этого вопроса: можно было каждый раз возвращаться не к случайной женщине, а к жене. Но жениться Иван не хотел, и причина для этого была вполне разумной: играть роль идеального мужа из анекдота, то есть слепоглухонемого капитана дальнего плавания, он не хотел. Заставлять жену играть роль Пенелопы, которая знай себе бесстрастно что-то ткёт-расплетает да отказывает многочисленным женихам, не хотел тем более; он признавал за женщинами право на страсти.

За все в жизни надо платить – банально, но факт. Отсутствие семейных радостей – это издержка некоторых профессий, и его профессия в их числе. Но он выбрал эту профессию осознанно и платить за это отсутствием жены был готов. Да и не такая уж великая плата, кстати.

«О чем это я раздумался? – удивился Иван. – О бабах – с чего бы вдруг?»

Хотя вообще-то размышлениям на эту тему удивляться не приходилось: с Севера он вернулся неделю назад, а женщины рядом до сих пор не было. Все его подружки по разным причинам остались, как тетушка говорила, за флагом: одна замуж вышла, другая наоборот – с мужем разошлась и то ли с горя, то ли с радости уехала путешествовать по Европе, третья была беременна – «не от тебя, Ванечка, можешь не беспокоиться», – четвертая как раз переживала бурный роман с перспективой замужества... Много у него было женщин!

В общем, основа для размышлений была, но предаваться им Иван не стал. Утром он должен был съездить на работу – отпуск отпуском, но были срочные дела по только что завершившейся экспедиции, – а вечером собирался наконец зайти к маме. Со времени его возвращения они виделись всего один раз, да и то коротко, поэтому даже мама со всем ее свободным отношением к семейным устоям уже на него обижалась, и правильно. Так что он клятвенно пообещал наконец приехать.

Глава 2

Перед маминым подъездом стоял сосед Артемьев и хлопал себя одной рукой по карманам. Во второй руке он держал пакет, в котором просвечивала бутылка водки.

– Привет! – обрадовался он, увидев Ивана. – У тебя ключи есть? Вышел в магазин, ключи забыл, а в собственный подъезд меня, представь себе, не пускают.

– Кто это вас не пускает? – удивился Иван.

Он пытался вспомнить отчество соседа, но это ему не удалось. Артемьев был писателем из тех, кого в противовес коммерческим называют настоящими; он считался даже живым классиком. Это означало, что в последние пятнадцать лет его книги не читали в метро, но изучали в гуманитарных гимназиях, переводили в Европе и, несмотря на маленькие тиражи, ежегодно переиздавали культуры ради.

Мама относилась к Артемьеву скептически: считала, что востребованность, то есть тиражи, – критерий для оценки писателя, возможно, не единственный, но единственно честный, и если его книги не отвечают этому критерию, то их без сожаления можно сбрасывать с парохода современности, а подберет ли их следующий пароход, видно будет.

Иван помнил, как сильно поразила его книга, которую сосед когда-то ему подарил. Герой был ровесником его тогдашнего, шестнадцатилетнего, и это была повесть о первой люб-

ви, а потому наличие или отсутствие больших тиражей казалось Ивану теперь проблемами читателей, а не писателя Артемьева. Неизвестно, что там решат насчет его книг на пароходе современности, а сбрасывать их со своего личного парохода Иван не спешил.

– Чего это вас в подъезд не пускают, Андрей Павлович?

Он наконец вспомнил отчество.

– А спроси! Только что слесари какие-то входили, я было за ними, так чуть по морде не надавали работяги: куда прешь, говорят, бомжара? И вот как это объяснить? Пальто вроде приличное.

Они поднялись по короткой широкой лестнице, ведущей от входной двери в просторный холл перед лифтами. Подъезд и весь был просторный, гулкий, холодный – типичный подъезд добротного сталинского дома.

– При чем тут пальто, Андрей Палыч? – хмыкнул консьерж, усатый отставник; его стол ютился в закутке холла, справа от лифтов. – Больно вы просты, вот в чем главное дело-то. А что пальто бомжастое, так это уж дело второе.

– Вот так вот, – усмехнулся Артемьев, входя в лифт. – А пальто я, между прочим, в Париже купил на первый свой европейский гонорар. Бешеные деньги тогда были, здесь год можно было жить.

На взгляд Ивана, вид у черного длиннополого пальто, да и у самого Артемьева был аристократический. Но в глазах работяг небритый спивающийся аристократ в поношен-

ном пальто, отмеченном неброской парижской дороговизной, выглядел, конечно, как бомж.

– Зайдешь? – предложил Артемьев, когда лифт остановился на его этаже.

Он вышел на площадку и приглашающе приподнял пакет с бутылкой. Иван придержал ногой дверь лифта.

– В другой раз, Андрей Павлович, – отказался он. – Я еще к маме не заходил после экспедиции.

– На Северном полюсе был?

– А вы откуда знаете? – удивился Иван.

Насколько ему было известно, Артемьев не смотрел телевизор и не читал газет, считая, что о сколько-нибудь значимых событиях узнает и без этого, а засорять голову пустыми сведениями ни к чему.

– Видел.

– В смысле?

– В смысле, на улицах флагами махали, когда вы погружение закончили. Как будто «Спартак» чемпион. Даже удивительно – я думал, народ у нас на такие дела, как покорение Севера, уже не реагирует. Ну, привет маме передавай.

Артемьев скрылся в темном холле перед своей квартирой, словно в яме забвения и одиночества. Иван поехал на последний этаж.

От лифта к маминой квартире надо было подняться еще на один лестничный пролет. Собственно, это была не квартира, а мастерская, но мама и работала здесь, и жила, сделав

лишь небольшой перерыв на рождение сына и кормление его грудью; то время она провела у сестры Тани в Ермолаевском переулке.

Ивану мастерская на Краснопрудной не нравилась, и он остался жить там, где жил с самого своего рождения. Мама не возражала – понимала, что жизнь ребенка должна подчиняться разумному распорядку, как у Тани, а не скакать в непредсказуемом ритме, как у нее. К тому же у Тани была дочка Оля, на пять лет старше Ивана, и с ней ему было интереснее, чем с мамиными безумными художниками.

Так он и жил с тетей и двоюродной сестрой в Ермолаевском, пока не начал работать в Институте океанологии и не получил квартиру в новостройке на Юго-Западе.

Когда Иван был школьником, Таня требовала, чтобы в каждые каникулы он проводил несколько дней у мамы. Она считала это правильным, а добиваться того, что она считала правильным, Таня умела. И каждый раз, входя в мамину мастерскую, Иван испытывал дискомфорт. Не то чтобы он был любителем комфорта – в экспедициях, в которые он стал ездить, еще когда учился в университете, никакого комфорта не было, и он нисколько от этого не страдал. Но дискомфорт, который он чувствовал в мастерской, был особый – не внешний, а внутренний.

И сейчас это ощущение не изменилось. Оно охватило его сразу, как только он перешагнул порог.

Дверь в конце длинного темного коридора была приот-

крыта. Оттуда, из комнаты, бил яркий свет и доносились голоса. Голоса были громкие, их возвышенный тон свидетельствовал о возвышенном же предмете спора. Иван поморщился.

Мама выглянула из кухни, которая находилась в самом начале коридора, рядом с прихожей.

– Ванька! – обрадовалась она. – Наконец-то!

– Привет, ма.

Чтобы ее поцеловать, Ивану пришлось наклониться: она была маленькая. Когда он пошел в первый класс, мама заявила было, что сын будет называть ее Нелей, потому что это звучит с правильной мимолетностью, но Таня немедленно пресекла это намерение.

– Называть он тебя будет мамой, – обычным своим ровным тоном сказала она. – Тебе тридцать два года, старости бояться рано, да и Ванька еще не настолько взрослый сын, чтобы это подчеркивало твой возраст. А богемные игры оставь, пожалуйста, своим богемьянам.

– Я тебя, Тань, ни капельки не боюсь! – засмеялась мама. – Но очень люблю.

И разговоров про мимолетность Иван от нее больше не слышал.

Но вообще-то подобные разговоры кипели в ее мастерской постоянно, вот и сейчас тоже.

– Надолго они у тебя? – он кивнул в сторону комнаты.

– А тебе не все ли равно? – улыбнулась мама. – Это же

фон, Ванька. Фон моей жизни. А ты – не фон. – Она положила руку ему на макушку, взъерошила вихры. – Ну что ты так долго до меня добратся не мог? Думаешь, я по тебе не соскучилась?

– Не думаю, – улыбнулся он. – Просто работы было много. После экспедиции целый воз отчетов требуют. Вот и все, никаких возвышенных причин. Я ж у тебя обыкновенный, ма, ты же знаешь.

– Обыкновенные дома сидят, а не под лед лазают.

– Я под лед не лазал.

– А что же ты там делал, на твоём Северном полюсе?

– Обеспечивал погружение подводных аппаратов.

– Ты, наверное, голодный.

– Да нет, нас на корабле отлично кормили.

Иван улыбнулся: мама всегда мыслила разрывами, опущенными звеньями. У кого это он читал про такое мышление? У поэта какого-то, кажется.

– На корабле – может быть, – согласилась она. – Но дома-то тебя покормить некому.

Это была правда, но из-за этой правды Иван не переживал. Еду он любил простую, вроде жареной картошки, и готовить такую еду умел самостоятельно. Если хотелось чего-нибудь особенного, то шел в ресторан. Если хотелось чего-нибудь особенного, но домашнего, то забегал пообедать к Тане. Правда, Таня сейчас была в Париже – гостила у их третьей, самой младшей, сестры Марии. Но сказать, что из-за этого

он голодает, Иван никак не мог.

Он вообще ничего не мог об этом сказать, потому что об этом не думал.

– Я испекла пирог, – сообщила мама. – И не говори, что в лесу кто-то сдох!

– Когда это я такое говорил? – удивился Иван. – Я твои пироги всегда с удовольствием ем.

Мамины пироги, в отличие от большинства других ее блюд, действительно были вполне съедобны, потому что для их приготовления бралось готовое тесто и готовая начинка. Да и вообще, с исчезновением советской власти и сопутствующего ей дефицита всего и вся вечная проблема маминной абсолютной кулинарной бездарности исчезла сама собой, как и многие другие специфические советские проблемы.

– Подожди, он еще пять минут под салфеткой постоит, и можно будет есть, – сказала мама. – А ты пока со мной посиди, расскажи, кого ты там на Северном полюсе видел. Белых медведей?

– На полюсе – никого. – Иван шагнул из коридора в маленькую кухню, потом сделал еще шаг и сел на табуретку в углу. – Ни медведи туда не добираются, ни птицы. Ледяная пустыня.

В кухне было жарко, пахло горячей сдобой.

«Что это с мамой? – удивленно подумал он. – Пирог под салфеткой... Постарела, что ли?»

– Я постарела? – спросила она.

Все-таки это было странно: с самого детства Иван почти не жил с мамой, а теперь они и даже виделись редко, но она всегда читала его мысли как открытую книгу. Он не знал, как это объяснить.

– Нет, ма, – ответил он. – Ты никогда не постареешь. Даже если научишься печь киевский торт.

Киевский торт был символом высшего кулинарного пилотажа. Когда Иван был маленьким, он очень любил этот торт, а мама его печь не умела и объясняла сыну, что выпекать воздушные коржи и оставаться при этом молодой способна только Таня. Теперь Тане было уже восемьдесят, и киевский торт она пекла по-прежнему, и в самом деле не выглядела старой.

– Ну-ну, так рассказывай же про полюс, – напомнила мама.

Она сидела рядом с пирогом и смотрела на Ивана тем взглядом, который он особенно у нее любил. Взгляд был полон живого интереса к каждому слову, которое ей предстояло услышать. Когда мама так вот смотрела, он понимал, почему мужчины всегда влюблялись в Неличку Луговскую мгновенно и безоглядно.

Ну и, конечно, просто красивая она была. Даже сейчас, когда ей уже шестьдесят исполнилось. Глаза у нее были синие, и эта необыкновенная синева усиливалась их живым блеском, который не исчезал с возрастом.

– На полюсе никого нет, – повторил Иван. – Только льды бесконечные. Даже если видишь небольшие полыньи, то это просто лужи неглубокие. Немного пресной воды, а под ней двухметровый лед. И смотреть на эти льды можно тоже бесконечно. В этом смысле они похожи на огонь.

Он вдруг подумал, что рассказывает так, как будто пишет школьное сочинение на тему «Как я провел лето». Стоило ему встретиться с мамой, как он сразу чувствовал себя маленьким. Учитывая специфику их семейных отношений, это тоже было необъяснимо.

– Вот где медитировать хорошо, я думаю, – заметила мама. – Представляю, что происходит с сознанием, если часами на белое безмолвие смотреть!

– Очки только надо надевать, – улыбнулся Иван. – Часами на лед смотреть нельзя – ослепнешь. Без очков – не больше трех минут.

– Скучно тебе со мной?

Она улыбнулась ему в ответ. Улыбка почему-то вышла беспомощная. У него сжалось сердце.

– Ну что ты, ма? – сказал он. – Почему мне с тобой должно быть скучно?

– Потому что ты живешь по сути, а я так, ни о чем, – вздохнула она. – С возрастом это стало для меня очевидным. Хорошо, что я тебя родила.

– Да, неплохо.

Он кивнул с серьезным видом.

– Не смейся, Вань! Думаешь, я возраста своего боюсь? Нисколько. Знаешь, что Эльза Триоле в старости написала? «Да и бог с ней, с молодостью, тоже хорошего мало», – вот что. Это Таня в каких-то мемуарах вычитала и мне рассказала. Не знаю, мало было в моей молодости хорошего или много, но что с возрастом многое мне стало яснее, это точно. – Печаль, на мгновение коснувшаяся ее губ, так же мгновенно исчезла. – По-моему, уже можно есть, – сказала мама, приподнимая салфетку над пирогом. – Давай я тебе отрежу, а то гости в минуту слопают, ничего тебе не достанется.

– Не волнуйся, я умею за себя постоять.

Отрезанный мамой кусок пирога он, впрочем, съел мгновенно: был уже вечер, а пообедать он забыл. Что за начинка внутри, не разобрал – что-то среднее между мясом и вареньем.

«Превращение мамы в завзятую кулинарку – это все-таки утопия», – подумал он.

– Ну, пойдем к моим, – сказала мама. – Что в кухне сидеть?

Иван с удовольствием посидел бы в кухне: он хорошо представлял, какое общение предстоит ему в мастерской, и оно его нисколько не прельщало. Но раз уж зашел, приходилось полностью погружаться в мамину жизнь; благо в следующий раз не скоро он сюда выберется.

– Я сегодня уезжаю, говорила тебе? – сказала мама, когда они шли по коридору из кухни в комнату.

– Не говорила. Куда?

– В Питер. Там у Левки Зайцева выставка открывается.

– В Эрмитаже?

– Бессовестный! Если Левка не знаменит, это не значит, что он бездарен.

– Как ты могла подумать! Левка, безусловно, гений.

Кто такой Левка Зайцев, Иван хоть убей не помнил. Представлялось что-то потертое и бородатое, но, возможно, это был не Левка Зайцев, а Славка Медведев.

Что жизнь, которую ведет его мама, выдуманная, вернее, выдумываемая, – это Иван понял, еще когда ему было лет четырнадцать. Тогда эта жизнь его злила, потом только раздражала. Потом он стал относиться к ней всего лишь иронически.

И точно так же относился он ко всем типам и типажам, которые, сменяя друг друга, проводили свою жизнь в маминской мастерской.

Глава 3

Сегодня компания здесь собралась многочисленная – видимо, ради проводов в Питер. Выпивали, судя по количеству разнообразных пустых бутылок, с самого утра.

Когда Ивану было двадцать лет, он с удивлением услышал, как про доцента Павлова, который читал у них лекции по географии океана, кто-то сказал:

– Даже удивительно, как это он до сих пор в такой отличной интеллектуальной форме. Каждый день пить и еще лекции читать! Ну да сколько веревочке ни виться...

Тогда это было Ивану непонятно. Почему нельзя пить и лекции читать? Что Павлов выпивает, это, конечно, всем известно. Но не запойный же он, и пьет ведь уже после лекций, не раньше четырех часов дня, потом домой идет, под забором не валяется. И разве целой ночи не достаточно, чтобы нормально проспать и утром идти в университет?

И лишь гораздо позже, уже после тридцати, Иван понял, что имелось в виду.

Хотя выпивка никогда не была для него вожаделенной, но его общительность делала это занятие приятным, и выпить он мог много и в студенческих, а потом и в производственных пьянках участвовал регулярно. Последствием этого являлась лишь утренняя жажда да головная боль, которая легко снималась таблеткой и минералкой.

Но так это было ровно до тех пор, пока длилась первая молодость с ее природным избытком здоровья. Как только этот природный избыток стал заканчиваться, Иван ощутил, что даже не слишком серьезная попойка имеет для него не только физические, но и какие-то другие последствия. Утренний взгляд на мир оказывался отмечен не одной лишь головной болью, но и странным сдвигом сознания. Он был не очень объясним, этот сдвиг, но очень ощутим: все становилось призрачным, каким-то... несущественным, и сосредоточиться на таком вот несущественном мире казалось не только невозможным, но и ненужным.

Тогда-то Иван и понял, почему хорошая интеллектуальная форма для постоянно пьющего человека невозможна, и исключил это занятие из своей жизни. То есть мог, конечно, выпить рюмку-другую, но – это он знал точно – мог и не выпить.

Стоило ему подумать, что придется провести ближайший час, а то и больше с людьми, которым мир всегда представляется несущественным, как настроение у него тотчас испортилось. Наступил тот душевный дискомфорт, который сопровождал каждому его появлению в маминой мастерской и шире – каждому погружению в ее жизнь. Погружаться на дно Ледовитого океана было значительно легче.

Мастерская была просторна, как танцевальный зал. Это ощущение усиливалось оттого, что в ней почти не было мебели. Мамина кровать и платяной шкаф стояли за расписной

ширмой, а на все остальное пространство приходилось три-четыре венских стула, выкрашенных в разные цвета. Тем, кому стульев не хватало, предоставлялась возможность сидеть на коврах – среди них были даже туркменские, купленные мамой когда-то за бесценок по случаю, – или просто на полу, вряд ли кому-либо из здешних завсегдатаев или случайных гостей это казалось обременительным.

Большинство маминых картин сегодня были почему-то повернуты лицами к стенам. Впрочем, Иван и так их помнил. В основном это были портреты, и у людей на них были странные глаза – прозрачные, с просвечивающими сквозь них разнообразными пейзажами. Когда он был маленький, то боялся этих людей: ему казалось, что это призраки. Страх увеличивался тогда еще и тем, что он был уверен, что мама нарисовала их всех с натуры. О том, как могли происходить встречи его мамы с призраками, в детстве он старался не думать. А теперь то давнее старанье вызывало у него улыбку, как вызывают ее все детские страхи.

Появление пирога не вызвало у собравшихся восторга – так же, как и появление Неллиного сына. Куски разобрали с блюда машинально, а с Иваном едва поздоровались; разговор при этом не прервался. Кажется, маму расстроило такое равнодушие – то ли к ее сыну, то ли, вероятнее, к ее кулинарному изделию. Ивана же оно нисколько не задело. Он успел ухватить кусок пирога и вдумчиво жевал его, стоя у двери и рассеянно оглядывая гостей.

Впрочем, если маму что и расстроило, то выказывать этого она не стала. Она отошла в угол, где несколько человек кружком сидели на полу, рассматривая какую-то композицию, которая стояла в центре этого неначерченного круга.

Ивану показалось, что композиция сделана из пластмассы и проволоки. Во всяком случае, именно на проволочные нити, протянутые между двумя пластмассовыми палками, были нанизаны многочисленные и, похоже, тоже пластмассовые ноги, руки, уши и еще какие-то части тела – плечи, кажется. Руки и ноги с ушами лежали также и на полу вокруг этой проволочно-пластмассовой рамки.

– Части тела – главное, из которого состоит искусство, – говорил молодой человек с потусторонним взглядом.

Он сидел в самом центре кружка, рядом с композицией, и, надо думать, он ее и сделал. В его речи слышен был отчетливый акцент; Ивану показалось, французский.

– А когда ты это понял? – спросил кто-то из кружка.

– Части тела давали мне интерес всегда, – ответил автор композиции. – Я прочитал книгу Ролан Барт «Фрагменты любовной беседы», и он там пишет: «Мы никогда не говорим, что я люблю твое тело, – мы говорим, я люблю твои глаза, руки, ягодицы...» И надо мне сказать, что вся моя работа состоит из фрагментов, как будто маленькая книга. Или как будто жизнь. Ведь жизнь тоже фрагментирована. Так что моя работа – это является символ жизни.

Иван вздохнул. Ягодицы как символ жизни – это звучало

свежо. Хотя, тут же подумал он, можно было сформулировать яснее.

«Не жизнь, а сплошная жопа», – так выражал эту мысль моторист Витя Черемной, с которым работали на Северном полюсе.

Всему этому собачьему, в понимании Ивана, бреду внимала девушка, едва взглянув на которую он оживился. Необходимость убивать время в мастерской сразу представилась ему не такой уж и тягостной.

На вид ей было лет двадцать, она была тоненькая, просто прозрачная, светловолосая, светлоглазая и походила не на живую девушку, а на лесного эльфа.

– Я думаю, на выставке это будет более ясно, – глядя на нее манящим взглядом, произнес автор композиции. – Там будет черная ткань, которая раздувается под ветром. А под ней будут лежать части тела, органов, маленькие сломанные игрушки...

«Сейчас она скажет, что обязательно на его выставку придет, чтобы проникнуться новым знанием», – подумал Иван.

Но девушка повела себя по-другому.

– Извините, – сказала она. – У меня иссякли жизненные силы. Я должна уснуть. Надеюсь, ненадолго.

С этими словами она сняла туфли – растоптанные, без каблуков, – легла на ковер и закрыла глаза. Вид у нее сразу стал такой, словно сон этот был не простой, а летаргический. Если ее слова, точнее, манера речи вызвала у Ивана усмеш-

ку, то весь ее вид – вот сейчас, когда она так мгновенно уснула, – одну лишь жалость.

Сразу стали заметны синие полукружья у нее под глазами, а нос заострился так, словно она умерла. Иван даже вздрогнул, таким отчетливым было это ощущение. Но нет, конечно, она была живая – длинные прозрачные ресницы вздрагивали. Он никогда не видел таких ресниц. Притом что они не имели цвета, их хотелось назвать не бесцветными, а вот именно прозрачными.

– Слушайте, у нас же через полчаса поезд! – вдруг воскликнула мама. – А я не собрана, и до вокзала еще десять минут ходу!

Иван вздрогнул: засмотревшись на прозрачную девушку, он забыл обо всех остальных обитателях мастерской, даже о маме.

– Может, не поедем, а, Нель? – произнес пожилой мужчина с длинными седыми волосами, завязанными в хвост. – В конце концов, Левка бездарность, это установленный факт.

– Кем, интересно, это установлено? – Мама возмутилась с такой живостью, что Иван посмотрел на нее с уважением. – Я ему обещала, что буду. Если хотите, оставайтесь. А я поеду.

С этими словами она скрылась за ширмой. Скрипнула дверца шкафа – мама доставала из него какие-то вещи в дорогу.

Остаться без нее в мастерской никто не пожелал: все засобирались, кто поспешно, а кто и нехотя, и потянулись к

выходу.

Иван зашел за ширму.

– У тебя там девчонка уснула, – сказал он.

Мама застегивала молнию на маленьком красном чемоданчике. Он сам когда-то подарил ей этот чемоданчик, чтобы она легко узнавала такое яркое пятно на багажных транспортерах аэропортов.

– Какая девчонка? – удивилась мама.

– Ну, такая... Эльфическая. Она кто?

– А!.. – вспомнила мама. – Да бог ее знает кто. Кажется, Сутулов привел. Ну да, точно, Сутулов.

– Сутулов – это который? – зачем-то поинтересовался Иван. – Который с хвостом?

– Нет, с хвостом – это Патя. А Сутулов ушел уже.

– Куда же она теперь денется?

– Кто?

– Девчонка. Раз Сутулов ушел.

– Домой, наверное, пойдет, – пожала плечами мама. – Что с того, что Сутулов ушел? Не на руках же он ее принес.

«Может, и на руках», – вспомнив ее внешность, подумал Иван.

А вслух сказал:

– Но она спит.

– Проснется, – отмахнулась мама. – Не в летаргии.

Гораздо больше, чем спящая девчонка, ее занимала молния на чемодане. Молния не хотела застегиваться, как мама

ни дергала ее и ни тянула.

Иван забрал у нее чемодан, застегнул молнию и сказал:

– Сама, может, и не проснется. А ты, кстати, уверена, что она не в летаргии?

– Вань, – улыбнулась мама, – не морочь мне голову. И себе тоже. Такие эльфы здесь стаями летают. Они приспособлены к жизни гораздо лучше, чем кажется на первый взгляд.

– Да это-то я знаю... – пробормотал Иван.

О том, что подобные девушки слетаются в мастерскую, как бабочки к фонарю, он в самом деле знал. Как и о том, что их неотмирность обычно объясняется простым нежеланием мыть посуду. У него бывали случаи в этом убедиться: несколько раз он уходил из маминой мастерской с такими вот девушками. Впрочем, мытья посуды Иван от них наутро не требовал – так, отмечал мимоходом эту интересную взаимосвязь между неотмирностью и обыкновенной бытовой ленью и мыл после их ухода посуду сам. Трудно ему, что ли, вымыть два бокала?

Но девушка, уснувшая на ковре, при всех характерных чертах, которые позволяли отнести ее именно к этому околохудожественному типу, все же чем-то от него отличалась. Во всяком случае, так Ивану показалось с первого взгляда. И теперь ему интересно было разглядеть эту девушку вторым взглядом. Да и просто жалко ее было почему-то.

Он вышел из-за ширмы вместе с мамой. Комната была уже пуста. И только девушка по-прежнему спала на ковре.

– По-моему, Сутулов ее напоил, – наметанным глазом определила мама.

– Разве она пьяная? – удивился Иван.

– А какая же? Ей, видно, одного глотка хватило, как воровью. Вот гад Сутулов! Знал же, что я уезжаю.

Она осторожно потрясла девушку за плечо. Та не шелохнулась. Даже ресницы не дрогнули. Иван снова испугался, что она умерла.

– Живая она? – с опаской спросил он. – Может, «Скорую» вызвать?

– Живая, не беспокойся. Просто вид у нее такой чахлый. И вот куда мне теперь ее девать? – с досадой сказала мама.

– Давай я с ней посижу, – предложил Иван.

– Сколько же тебе сидеть? Она, может, до утра будет дрыхнуть!

– До утра так до утра. Здесь переночую. Или ты за ее девичью честь волнуешься?

– Вот уж за что точно можно не волноваться, – хмыкнула мама. – Ладно, все равно другого выхода нет. Спасибо, Вань. Если и правда до утра останешься, постель в шкафу возьми. Сутулов, жалкий завистник, назло мне это чмо подбросил, я уверена! Чтобы я не смогла к Левке на вернисаж поехать.

Иван подумал, что для неведомого Сутулова это что-то уж слишком сложная многоходовка. Но говорить об этом маме не стал.

Да и не успел бы он об этом сказать, даже если бы и хо-

тел. Взгляд у мамы стал совершенно рассеянный – она была уже не здесь, а там, на питерском вернисаже какого-то непризнанного гения.

Все это было так знакомо! И до пошлости банально. Так бы он и сказал, если бы все это относилось не к маме.

Мама вышла из комнаты. Хлопнула вдалеке входная дверь. Иван обернулся и посмотрел на девушку.

Она лежала как Спящая красавица в хрустальном гробу, хотя назвать ее красавицей вряд ли было возможно, да и вряд ли сказочная красавица спала в своем гробу вот так, на боку, подложив ладонь под щеку.

«Интересно, сойду я за принца?» – подумал Иван.

Мысль была глупая, но он все же присел на ковер и коснулся губами ее щеки, потом губ. Ее губы чуть дрогнули – наконец он убедился, что она все-таки живая. От нее действительно пахло спиртным, но совсем чуть-чуть. Видно, в самом деле выпила глоток, не больше. Как воробей.

Вот это-то, наверное, и вызывало к ней жалость – что она была похожа одновременно на эльфа и на воробья.

Он зашел за ширму, снял с кровати белье. Кровать была круглая, сплетенная из лозы; ее изготовил для мамы какой-то народный талант. Что за удовольствие спать на таком сооружении, пусть оно и выглядит стильно, Иван никогда не понимал. Но спать на полу, даже и на туркменском ковре, казалось ему еще более неудобным.

Он достал из шкафа свежее белье, перестелил постель.

Потом вернулся за девушкой. Эльфов он в руках никогда не держал, а воробья держал однажды в детстве, даже не воробья, а маленького воробьеныша. Они с сестрой Олей нашли его в траве у подъезда, наверное, тот выпал из гнезда. Нести на руках эту девушку было то же самое, что того птенца, – возникало точно такое же недоумение: неужели существо одновременно может быть и живым, теплым, и совершенно бестелесным?

Иван положил девушку на постель. Она не проснулась, только перевернулась на бок и поджала ноги. На ее колготках от пяток шли две недлинные стрелки. Они были зашиты тонкими нитками. А ему-то казалось, что женщины давно уже не зашивают колготки.

«Может, раздеть ее?» – подумал он.

Но все-таки не стал этого делать. Как ни подсмеивайся над девичьей честью, а раздевать спящую пьяную девчонку – это как-то... непорядочно.

Только вот не похоже было, что она проснется в ближайшие несколько часов. Значит, надо было и самому устроиться на ночь.

Спать в одежде он-то уж точно не собирался. К счастью, мамина кровать при всем своем неудобстве была широкая, то есть площадь ее круга была большая. Иван сдвинул девушку ближе к краю – она и на этот раз не шелохнулась, – снял джинсы, рубашку и лег на другой край этого плетеного гнезда.

Он уснул мгновенно, едва успев подумать, что все-таки утомил его этот бестолковый вечер, надо же, а он ведь и не замечал...

Глава 4

Свет лежал перед ним, как длинный поваленный столб. А вдоль светового столба колыхалась, волновалась тьма, и тьма эта состояла из воды, вся была водою. В ее могучем объеме было что-то зловещее, но была в нем и загадка, тайна, и вот эта-то тайна манила, притягивала, втягивала в себя. Хотелось рвануться вперед, в темноту, вырваться из освещенного пространства, и так сильно этого хотелось, что страх исчезал.

Он уже совсем собрался с силами для того, чтобы это сделать – уйти в темную водяную толщу, – но тут свет стал ясным, распространился во все стороны, охватил все пространство вокруг...

Иван открыл глаза. Все вокруг было наполнено светом – рассеянным, белесым, туманным. Он не сразу вспомнил странное ощущение, которое создавал такой вот свет, потому что редко это ощущение испытывал, редко и давно, в детстве, когда жил у мамы во время каникул. Только здесь, в мастерской, свет падал из окон таким вот образом.

Собственно, здесь были даже не окна, а сплошная узкая, но длинная, по всему периметру комнаты, застекленная щель под потолком. Она была огорожена чем-то вроде брусстера, поэтому мама говорила, что здесь, под крышей дома, предполагали, видимо, устроить тюремную камеру, да в последний момент передумали.

Как бы там ни было, а утренний свет в мастерской был в самом деле необычный.

Он всегда был такой, ничего в этом не было удивительного. Но сегодня... Когда, окончательно проснувшись, Иван повернул голову и наткнулся взглядом на спящую девчонку, ему показалось, что источником этого рассеянного света является она. Мысль была такая же глупая, как вчерашний поцелуй, произведенный им для того, чтобы определить, живая она или нет.

Понять, отчего могла возникнуть такая глупая мысль, он не успел: его ночная соседка открыла глаза. Сонный туман застилал их несколько секунд, не больше. Потом она сказала:

– Кажется, я спала слишком долго.

Ивану стало смешно от серьезности, с которой она оценивала свои ощущения. К тому же он сразу вспомнил, что подобная ситуация описана в сказке Пушкина, где царевна, привздохнув, произнесла: «Как же долго я спала!» Просто точь-в-точь.

– Да нет, не слишком долго, – сказал он.

– Почему же вы улыбаетесь? – все с той же серьезностью спросила она.

– Разве я улыбаюсь? – удивился Иван.

– Да. Вам снилось что-то хорошее?

Глядя на нее, он не сразу вспомнил, что ему снилось. А, ну да!... Вспомнил.

– Да, – кивнул он. – Хорошее.

– Наверное, что-нибудь таинственное, – сказала она. – Это счастье.

Она произнесла это мимолетным тоном – наверное, думала при этом не о каких-то посторонних сновидениях, а о себе. Но угадала же! Ему действительно снилась тайна, и это действительно было счастьем.

Иван протянул руку, взял с пола свои джинсы, надел их под одеялом и встал.

– Одевайся, – сказал он. – Ванная в конце коридора. Я туда на пять минут, потом пойду в кухню, тогда можешь идти умываться.

«Дома душ приму», – решил Иван.

Ему хотелось уйти отсюда как можно скорее.

Зубы пришлось чистить пальцем, вдобавок он забыл взять из шкафа полотенце, поэтому вышел из ванной с мокрым лицом. Хотел было вернуться в комнату, чтобы выдать полотенце девочке, но подумал, что она там, может, одевается, то есть не одевается, она же не раздевалась на ночь, ну, переодевается, да мало ли что она там делает!..

Обилие бытовых подробностей раздосадовало его.

«Что я здесь вообще делаю? – сердито подумал Иван. – Нанялся, что ли, убогих опекать?»

Пока он жарил яичницу и варил кофе, из ванной доносился шум воды. Ему показалось, что это даже не шум, а рассеянный шелест.

«Пообщаешься тут с ними, сам идиотом станешь!» – злась

все больше, подумал он.

К тому времени, когда девчонка вышла из ванной, настроение у него стало совершенно отвратительное.

Иван ожидал, что она заглянет в кухню, но услышал только ее удаляющиеся по коридору шаги – она возвращалась в комнату.

«Придется, значит, в постель ей кофе подавать», – раздраженно подумал он.

Девчонка встретила его, правда, не в постели, а сидя на ковре. Но чашку с поставленного перед нею подноса она взяла с тем самым заоблачным видом, который Иван с детства наблюдал у всех посетителей маминой мастерской и с детства же терпеть не мог.

«Я думаю о высоком, – говорил весь этот вид. – Поэтому мне не до мелочей. А постелить постель, подать еду, сварить кофе – все это может сделать любой обыкновенный человек вроде тебя».

– Сначала яичницу съешь, потом будешь кофе пить, – буркнул он. – Гастрит хочешь заработать?

– Я не хочу заработать гастрит, – с этой своей дурацкой серьезностью ответила она. – Но яичницу лучше съесть вам, ибо вы мужчина.

Ему стало смешно, и злость сразу прошла. Иван уселся рядом с нею на ковер возле подноса и разложил яичницу по тарелкам.

– На охоту мне не идти и пещеру от врагов не защищать, –

сказал он. – Так что можем поделить еду поровну. Как тебя зовут?

– Северина, – ответила она.

– Как?! – поразился Иван. – Это что, псевдоним?

– Нет. Это мое имя.

«Значит, это все уже не в первом поколении», – сдерживая смех, подумал он.

Нетрудно было догадаться, что люди, которые додумались дать своему ребенку такое имя, здоровьем ума не отличались.

– А я Иван, – сказал он.

– Ваше имя прекрасно, как в сказке, – ответила она.

– Да? – усмехнулся он. – Это в какой же сказке? Про Ивана-дурака?

– Про Ивана-царевича.

Он еле сдерживал смех, а она говорила совершенно серьезно и смотрела прямо ему в глаза своими прозрачными глазами.

«Как водка, – вдруг подумал Иван. – Глаза у нее – как водка».

Эта мысль совсем уж его развеселила.

– Давай-ка ешь, Северина, – сказал он. – Или с похмелья аппетита нет?

– Я очень хочу есть. Хотя вчера я действительно выпила водку, а это мне непривычно и даже трудно.

– Зачем же пила, раз трудно?

– Леонид просил с ним выпить, и мне было неудобно ему отказать.

– Мало ли о чем бы этот Леонид тебя попросил! На все соглашаться, что ли?

Тут ему стало неловко – показалось, что он высказался чересчур грубо. Тем более что эта Северина, похоже, понимает все слишком буквально.

Она ничего не ответила, только вздохнула и принялась за яичницу. Видно, она в самом деле была голодна, потому что съела ее мгновенно. Иван пожалел, что разложил яичницу по тарелкам: перекладывать ей теперь свою порцию было как-то неудобно. Впрочем, чего тут неудобного?

Он стряхнул яичницу со своей тарелки на Северинину. Она подняла глаза, посмотрела вопросительно.

– У меня-то как раз похмелье, – соврал Иван. – Думал, за компанию поем, но нет, кусок в горло не лезет. Ешь сама.

Она проглотила вторую порцию так же быстро и все-таки вряд ли наелась.

«А в холодильнике у мамы шаром покати», – подумал он.

Кофе Северина тоже выпила одним глотком. Так едят и пьют не богемные девушки, а просто очень голодные. Он вспомнил зашитые стрелки на колготках, и острая жалость пронзила ему сердце. Буквально так – эти слова, несмотря на свою затасканность, очень точно называли то, что он почувствовал.

– Спасибо, – сказала Северина.

– На здоровье. Жаль, больше ничего нет, – сказал Иван.

Он хотел предложить ей зайти в какое-нибудь кафе и дозавтракать там. Но, пока он открывал рот, чтобы это сказать, Северина легко и гибко качнулась вперед, положила руки ему на плечи и поцеловала его.

Это было так неожиданно, что Иван едва не оттолкнул ее. Еще не хватало ему благодарных поцелуев! Но в то мгновение, когда он почувствовал ее губы на своих губах, голова у него закружилась и глаза застлал туман. Она поцеловала его так нежно и вместе с тем так страстно, что все мысли выветрились у него из головы и все чувства ушли из тела. Все, кроме одного – сильного, всепоглощающего. Может, это и не чувство даже было, а одно только желание; Ивану некогда было сейчас это анализировать. Он притянул Северину к себе и лег на ковер.

Теперь она лежала на нем, вытянувшись как ветка. Да, точно так это было бы, если бы он лег в лесу на траву, а с дерева на него упала бы ветка. Хотя падают ведь сухие, старые ветки, а она, эта невесомая девушка, никак не связывалась со старостью. Слишком много в ней было юного трепета.

Она лежала на нем тихо, словно прислушивалась к нему. Он обнял ее и стал целовать. Каждый поцелуй распалял его все больше. Удивление, даже оторопь, которые охватили его вначале, теперь прошли; он весь дрожал от нетерпения.

Молния на джинсах расстегнулась быстро, а с Севериниными колготками пришлось повозиться. Стягивая их с нее,

он чувствовал, как они рвутся под его руками. Но думать о ее колготках Иван сейчас, конечно, не мог. Он вообще ни о чем не мог думать. Мог только чувствовать это тоненькое тело в своих объятьях – сначала на себе, потом под собой, – мог целовать эти почти неощутимые губы, гладить ладонями ноги, которыми она обнимала его спину, лбом упираться в маленькое плечо, как будто оно могло быть опорой для всего его бьющегося, наизнанку выворачивающегося тела...

Глава 5

«Надо же было, чтобы именно она мне подвернулась. Мне же почти все равно было, с кем, а тут она... Черт, до чего ж глупо вышло!»

Это он думал уже лежа рядом с нею на ковре. Они не прикасались друг к другу.

Иван скосил глаза. Северинино лицо было совсем рядом, он видел каждую его черточку. Несмотря на такую вот чрезмерную близость, оно оставалось таким же тонким, каким виделось издали. Глаза ее были закрыты, и тени от длинных ресниц сливались с усталыми полукружьями под глазами. От чего она так устала? Целую ночь ведь как убитая спала... Вблизи казалось, что ее кожа совсем не имеет пор. Как матовое стекло. Да, вот точно: эта девушка была сделана словно бы из венецианского стекла, а не из плоти и крови. Хотя еще минуту назад ему так не казалось. Совсем не казалось!

Думать так сложно о женщине, которая без размышлений расплатилась за ночлег и завтрак сексом, было странно, неуместно. Чтобы прогнать эти неуместные мысли, Иван подумал о более насущном – о том, что у него не оказалось с собой презервативов. А они пришлись бы очень кстати! С кем она была еще вчера, какому художнику не смогла отказать, неизвестно.

Простые мысли и насущные заботы всегда помогали ему избавиться от мыслей неясных и тревожных. Но на этот раз не помогали и они.

Что-то надо было делать с этой Севериной, прежде чем выпроводить ее отсюда и забыть о ней навсегда. Хоть поцеловать, что ли. Все-таки она женщина, пусть и вполне определенного разряда.

Едва лишь Иван подумал, что надо бы ее поцеловать, как с удивлением понял, что ему очень этого хочется. Страшно хочется! Даже скулы сводит от этого желания.

Он привстал, опираясь на локоть, и наклонился к Северининым губам. Наверное, она почувствовала это – сразу открыла глаза и обняла его за шею тем же страстным и нежным движением, которое так поразило его в первый раз.

– Слушай, ты не думай... – пробормотал он. – Думаешь, ты мне что-то должна?

Горло у него перехватывало так, что, наверное, она и слышать не могла, что он там говорит.

Но она все прекрасно расслышала.

– Я так не думаю, – сказала Северина с теми же ясными интонациями, с которыми недавно говорила про яичницу. – Я полюбила вас с первого взгляда.

«Блаженная она, что ли? Или дура? Или притворяется?» – успел еще подумать он.

Но на том все его мысли и закончились.

На этот раз его страсть была какой-то... продленной, да,

именно так, она не полыхала, а длилась, но от этого не делалась слабее. Он не только обнимал и целовал Северину, но, задыхаясь от желания, от возможности мгновенно утолить это желание, успевал разглядеть ее всю – послушную ему, отдающуюся ему, улавливающую каждую его потребность в ту же секунду, когда эта потребность лишь смутно возникала в нем, – и при этом странным образом от него отдельную.

Она и в самом деле была такая, словно вот-вот должна была разбиться, как непрочное венецианское стекло. Но при таком ее странном свойстве какую же бешеную страсть она в нем вызывала!

Она не казалась опытной – в ее движениях не было отлаженности, машинальности. Но и угловатости, неловкости в них не было тоже. А что в них было, что было в ней во всей? Что в ней было такое, что будоражило, пробивало от макушки до пяток физически, как удар тока?

Ну да, правда, не приходилось очень уж удивляться Севериной для него притягательности. У нее было то, что он всегда ценил в женщинах, – например, хорошая, несмотря на некоторую худобу, фигура. Ноги были длинные, и обнимала она ими так, словно всю жизнь занималась акробатикой или чем-то вроде того. И шея тоже была длинная – это, положим, не так существенно для секса, как красивые ноги или общая гибкость, но тоже почему-то возбуждало Ивана неимоверно.

Да, тем и хорош был второй раз по сравнению с первым, что туман уже не застилал ему глаза и он с невыразимым

удовольствием все это разглядывал.

Потом, когда они снова лежали рядом на ковре и снова не прикасаясь друг к другу, он разглядывал ее, уже не отрываясь, не отвлекаясь ни на что. Глаза у Северины и на этот раз были закрыты, и он мог делать это не таясь.

Если бы Иван только что не вколачивал ее всем телом в пол, сам колотясь от своего физического безумия, если бы не впивался в нее губами так, что чуть зубы себе не выдавливал, то он мог бы подумать, что на ковре рядом с ним лежит не живая девушка, а скульптура, оставленная кем-то в мастерской. Но скульптура уж точно не могла бы привести его в такое возбуждение, которое и сейчас еще отдавалось отголосками во всем его теле. И красные, быстро синеющие следы от его губ, которые бесстыдно горели на Северининой шее, уж точно не остались бы на скульптуре.

«Ну, дурак! – Иван даже головой потряс, словно хотел вытрясти из нее дурацкие мысли. – Лучше подумай, что с ней теперь делать. Какие у нее планы, что у нее вообще в голове, можешь ты понять?»

Что в голове у такой девушки, как Северина, понять было совершенно невозможно. Ясно было только, что планы в этой голове могут возникнуть самые неожиданные и для нормального человека непостижимые. И, значит, надо что-то делать как можно скорее, пока еще можно что-то сделать.

Но, понимая это, Иван не мог заставить себя не только сделать что-то разумное, но даже просто пошевелиться. Да

что там пошевелиться! Он не мог себя заставить отвести взгляд от прозрачного Северинино лица, от всей этой воплощенной бестелесности, которая каким-то невероятным образом только что возбудила его больше, чем могло бы это сделать самое цветущее тело.

Неизвестно, сколько он оставался бы в таком замороженном состоянии, но Северина вдруг открыла глаза.

«Водка, – снова подумал он, в очередной раз удивившись их прозрачности. – То-то будет похмелье!»

– Мне пора идти? – спросила она.

Что он должен был на это ответить? Промямлить что-нибудь невнятное – мол, как сама считаешь нужным, на твое усмотрение... Это было бы непорядочно: она говорила ровно то, что хотела сказать, это Иван уже понял, и на прямой вопрос вправе была ожидать прямого ответа.

– Да, – ответил он. – Я тебя провожу.

Он не хотел, чтобы она осталась еще хотя бы на час. Она будила у него в голове тревожные мысли, а в теле необъяснимые и чересчур бурные желания.

Да и просто стыдно ему было перед ней. Набросился на девчонку, как солдат после дембеля, слова человеческого не сказал, да еще вон всю шею изуродовал засосами... Скотина, больше ничего.

Чувствовать себя скотиной было неприятно, хотя не насиловал же он эту Северину... В общем, скорее бы ее спровадить. С глаз долой – из сердца вон.

Но, подумав так, он лишь рассердился на себя еще больше: при чем здесь, в самом-то деле, сердце?

Нет, совершенно ни к чему была вся эта сшибка чувств, которую она в нем вызывала.

Иван поднялся с ковра и стал одеваться. При этом он не отрываясь смотрел, как одевается Северина. Она делала это с таким отрешенным видом, с каким в самом деле разве что эльф надевал бы крылья. Колготки она тоже стала было надевать, но, заметив, что они рваные, скомкала их и положила в карман юбки.

– Колготки тебе порвал, извини, – сказал Иван. – Сейчас вместе выйдем и купим.

Она посмотрела на него каким-то странным взглядом. Ни укора, ни вопроса в этом взгляде не было точно. А что было, Иван не понял.

Глава 6

Когда вышли на улицу, то оказалось, что свет в мастерской был неярким, рассеянным, странным не только из-за формы окон, но и оттого, что небо затянуло белесой дымкой. В воздухе сеялся мелкий дождик.

«И совсем не из-за Северины такой был свет», – подумал Иван.

Наблюдение было явно не из разумных, и вслух он сказал:

– Куда тебя проводить?

– Вы можете меня не провожать, – ответила она. – Мне здесь близко. На вокзал.

От Краснопрудной улицы до площади трех вокзалов в самом деле было совсем близко, минут десять пешком. Иван вздохнул с облегчением. Общество Северины тяготило его.

– А куда тебе ехать? – все-таки поинтересовался он.

– Домой.

Раз она так ответила, то можно было бы уже и не выпрашивать подробности. Но он все же спросил:

– Домой – это куда? Адрес есть у тебя?

– У меня нет адреса, – ответила она. – Ибо я живу в общезитии.

От ее дурацкого «ибо» его перекосило. Если он что и не мог терпеть в женщинах, то вот эту вот манерность, это желание казаться не тем, что ты есть, это... Впрочем, Северин-

на, кажется, не манерничала. Она шла рядом с ним молча, на его вопросы отвечала односложно и не бросала на него томные взоры, а смотрела вниз, на свои туфли.

Иван тоже перевел взгляд на ее туфли. Правая немного разошлась на носке по шву, и в небольшой дырке виднелся кончик голого пальца.

Они как раз проходили вдоль вереницы киосков, торговавших всякой всячиной. Иван опустил было руку в карман куртки, чтобы достать кошелек. Но замешкался: он не знал, как дать Северине деньги. Ну что она о нем подумает? Или, может, сказать, что это только на колготки?

«Еще мелочь ей отсчитай, – сердито подумал он. – Чтоб без сдачи!»

– Иди, я сейчас догоню, – пробормотал он.

Не глядя на него и не останавливаясь, Северина пошла дальше, а он подошел к киоску.

– Колготок дайте штук пять, – быстро сказал Иван.

Продавщица, читавшая истрепанную книжку, подняла глаза и взглянула на него с интересом.

– Вам на кого, молодой человек? – игривым тоном спросила она.

– На довольно худую девушку, – нетерпеливо пояснил Иван.

– А в какую цену?

– Хорошие давайте, – сердито проговорил он. – Которые не рвутся.

– Колготки все рвутся, – произнесла продавщица таким тоном, словно речь шла не о качестве колготок, а о бренности бытия. И, бросив на него очередной игривый взгляд, предложила: – Может, чулочков возьмете? Они эротичнее.

– побыстрее, пожалуйста, – поторопил Иван.

Она вздохнула, порылась в картонной коробке и положила перед ним стопку пакетиков с колготками. Он расплатился и догнал Северину. От всего, что он делал, у него было такое ощущение, будто он наелся дерьма.

– А сумка твоя где? – спросил Иван. Он только сейчас заметил отсутствие у Северины сумки, потому что самым глупым образом надеялся как-нибудь незаметно положить в нее колготки, которые просто-таки прожигали ему карман куртки. – В мастерской забыла?

– Не в мастерской. – Она наконец взглянула на него. Глаза были такие же, как воздух, просеянный дождевой пылью. – У меня ее не было изначально.

– Ибо ты презираешь все бренное? – усмехнулся он.

– Не по этой причине.

– А по какой?

– Причина лишь в том, что я уехала в Москву неожиданно для себя.

– Ясно, – вздохнул Иван. – Давай-ка зайдем в кафе.

– Зачем?

– Пойдешь в туалет и наденешь колготки. Вон ноги все мокрые уже.

Юбка у нее была длинная, какая-то чуть ли не монашеская, но ноги все равно виднелись в просвете между подолом и рванными туфлями. И они действительно были мокрые – блестели так влажно и соблазнительно, что Иван судорожно сглотнул и пожалел, что не остался с Севериной в мастерской еще на часок.

«Что за девка? – подумал он. – В эротомана тут с ней превратишься!»

В кафе они были одни. Стоял полумрак. Музыка не громыкала, а звучала негромко, с пошлой интимностью. Или просто ему везде сейчас мерещился интим?

– Иди надевай, – сказал Иван, протягивая Северине пакетики с колготками. – Я тебя подожду.

Северина ушла, а он сел за столик. К нему сразу же подошел официант и положил перед ним меню.

– Давайте два салата, – не глядя в меню, сказал Иван. – Посытнее, с майонезом. И два горячих, тоже посытнее, мясное что-нибудь. И десерт.

– Что-нибудь с масляным кремом? – поинтересовался официант.

В его голосе прозвучала насмешка.

– Да! – рявкнул Иван. – И два кофе со сливками. И побыстрее.

Видимо, его глупое состояние было заметно всем. Сознать это было противно.

Наверное, официант понял, что клиент не расположен к

шуткам. Когда Северина вернулась из туалета, салаты уже стояли на столе.

– Мы будем есть? – спросила она.

– Будем, – мрачно кивнул Иван.

– Но ведь у вас не было аппетита.

– Не было, а теперь появился. Зверский аппетит. Садись.

Странно было, что она называет его на «вы». Она была первая женщина, которая, переспав с ним, не перешла на «ты». Это беспокоило и раздражало. А то, что он помнил, как она сказала: «Я полюбила вас с первого взгляда», – беспокоило еще больше.

– Ешь, – сказал Иван.

И сразу же понял, что это прозвучало грубо, как команда. А какое право он имел отдавать ей команды?

– Я правда проголодался, – объяснил он, виновато улыбнувшись. – А вдвоем же веселее есть, да?

Она не ответила – похоже, потому что не знала, веселее есть вдвоем или нет. А может, еда вообще не казалась ей веселым занятием.

Как бы там ни было, Северина села за стол. Салат она съела так же быстро, как раньше яичницу.

– Спасибо, – сказала она, положив вилку на пустую тарелку. – Мы можем идти?

– Можем, – кивнул Иван. – Но не пойдем.

– Почему?

– Потому что я не наелся. Сейчас горячее принесут.

– Вы обманываете меня. Но ваш обман несколько не обижает. Как странно!.. – задумчиво сказала Северина. – Раньше я не понимала, почему возвышающий обман дороже тьмы низких истин. Я думала, здесь какая-то неточность или слабость. Но оказывается, все именно так.

– Ты художница? – спросил Иван.

– Нет. Я поэт.

– А!.. Вон оно что.

Это хоть немного объясняло ее поведение: значит, она все время придумывает стихи, то есть уверила себя в том, что должна их придумывать, оттого и рассеянность.

– Поэтому я все время думаю, – словно подслушав его мысли, сказала Северина. Ему уже не казалось удивительным, что она слышит его мысли. – Вернее, не столько думаю, сколько слушаю.

– Что слушаешь? Голос Бога? – усмехнулся Иван.

Самомнение художников было ему хорошо известно. Вряд ли поэты в этом смысле от них отличались.

– Не знаю. Я слушаю свой голос, а отчего он у меня такой, не знаю. Если бы кто-нибудь другой позволил мне слушать себя так же, как я сама позволяю себе слушать себя саму, то я слушала бы этого другого бесконечно и внимательно.

Эти странные, совершенно не по-человечески произнесенные слова чем-то его задели. Или затронули – так, наверное. Они взбудоражили его разум – может быть, неточностью своей, но взбудоражили безусловно. Ему стало интересно.

– А почитай свои стихи, – сказал Иван.

– Я почитаю, – кивнула она.

Она читала тихо и монотонно, и он ничего не понимал в ее стихах. Они были про божью бабочку, которая зацепилась за человеческое плечо и умирает, не услышав, что ей скажет человек. Нет, это первые строчки были про ту бабочку, но едва Иван успел уловить их смысл, как уже зазвучали следующие, про голую воду и провода на ладони... Смысл Северининых стихов не давался в руки. Но это не раздражало, не злило, а манило так сильно, что Иван весь превратился в слух.

Да еще и рифма была какая-то необычная. Она возникла не сразу – сначала казалось, что никакой рифмы нет, а есть лишь шорох и шелест, то ровный, то прерывистый. И вдруг, к середине чтения, каким-то незаметным образом оказывалось, что совершенно разные по смыслу слова совпадают друг с другом странным посредством рифмы, и выходит поэтому, что не так уж разнятся их смысл.

– Ты хорошо читаешь, – сказал он, когда Северина замолчала.

Он просто не знал, что сказать. Он не понимал, хорошие у нее стихи или плохие. Они были как-то вне этих категорий, а в каких категориях следует их оценивать – это-то и было ему непонятно.

– Вы первый на свете человек, который одобрил мое чтение, – сказала она.

– Да? – удивился он. – А что же обычно тебе говорят?

– Обычно говорят, что я читаю плохо, монотонно. Но дело в том, что я не могу декламировать. Это кажется мне оскорбительным и даже постыдным.

– Почему?

– Мне кажется, это сродни продаже своих стихов. Продажа голосом – вот что это.

– Стихи нельзя продать, не волнуйся, – улынулся Иван.

– Я знаю.

Она сказала об этом без тревоги и горечи, даже без сожаления. Иван так ответил бы человеку, который стал бы объяснять ему, что утром бывает рассвет, а вечером закат.

Он вдруг понял, что сам ведь и предстал перед Севериной таким вот человеком, который сообщает очевидные вещи. Все время, сколько он находился рядом с нею, Иван видел себя каким-то непривычным, пронизывающим взглядом. Как будто рассеянный свет, из которого она состояла, действовал на него как рентген.

– Сколько тебе лет, Северина? – спросил Иван.

– Восемнадцать.

– Где ты живешь?

– В Ветлуге.

– Это что такое, Ветлуга?

– Это маленький город.

– Ты учишься?

– Нет.

– Но ты же сказала, что живешь в общежитии.

– Это рабочее общежитие. Строительного управления.

– Ты на стройке, что ли, работаешь? – поразился Иван.

Впрочем, он сразу подумал: «Да нет, на какой еще стройке! В управлении, наверное, и работает. Секретаршей. То-то ловко она с документами, должно быть, разбирается! Посо-чувствовать можно ее начальнику».

– На стройке, – ответила она.

– И кем же?

– Маляром.

Представить эту девушку работающей вообще было невозможно, работающей на стройке – невозможно вдвойне, а уж живущей в рабочем общежитии...

– В общежитии мне не трудно, – сказала она.

– Что-то не верится.

– Но это правда. Я никогда не жила одна и успела привыкнуть к людям.

Она сказала это так, словно сама была не человеком, а птицей или каким-нибудь фантастическим существом, прилетевшим с другой планеты. Впрочем, после недолгого общения с ней Иван готов был поверить, что так оно и есть.

Он вообще не понял, что означают ее слова, хотел даже переспросить... Но не стал переспрашивать. У нее была своя жизнь, и не было у него никакой причины в ее жизнь погружаться. Да и желания такого не было.

Тут официант очень кстати принес горячее, и необходи-

мость неловких расспросов отпала.

– Разве можно столько съесть? – растерянно проговорила Северина, глядя на огромную тарелку, на которой высилась гора мяса с овощами.

Впервые в ее голосе прозвучали обычные человеческие интонации.

– Можно, можно, – улыбнулся Иван. – Приступай, не бойся.

– Я не боюсь.

Она тоже улыбнулась – впервые за все время, которое он ее знал. Это время вдруг показалось ему очень долгим.

Северина съела мясо уже не так быстро, как все предыдущие блюда; кажется, она наконец наелась. Ее бледные щеки чуть порозовели.

– Мне дышать тяжело, – пролететала она, когда ее тарелка опустела.

– Тебе плохо? – встревожился Иван. – Отравилась, может? Не тошнит?

Этого ему только не хватало! Правда, еда-то вроде нормальная, но это для него с его луженым желудком, а не для существа, которое производит такое впечатление, словно любая пища, кроме амброзии, для него опасна.

– Н-нет... Это очень вкусно. Но только очень много, – с трудом выговорила она.

– Ну вот! – Иван вздохнул с облегчением. – А я думал, ты еще десерт съешь.

– Я не могу...

Ему показалось, что она сейчас заплачет.

– Не можешь, и не надо, – успокоил ее Иван. – Не священный долг. Ну что, пойдём или ещё посидим?

– Пожалуйста, пойдёмте!

Она воскликнула это, кажется, со всей горячностью, на которую была способна.

– Пойдём, конечно, пойдём, – успокоил он ее. – Подожди меня на улице, ладно?

Кафе было дорогое, и ему почему-то показалось вдруг, что Северина смутится, когда он станет расплачиваться.

Она кивнула и пошла к выходу. Иван подозвал официанта, сказал, что десерт не нужен, расплатился. Что можно уйти поскорее, это было вообще-то хорошо: он вспомнил, что ему надо в институт. Мог бы, между прочим, и раньше вспомнить. Иван удивился: до сих пор не бывало, чтобы женщина заставила его так полно отвлечься от работы. А эта вот пожалуйста. Главное, если бы он отнесся к Северине как-нибудь... самозабвенно, что ли, так ведь нет! Он полностью контролировал себя, он даже видел себя со стороны, а что до неконтролируемой физической тяги, так она вполне объяснялась тем, что он долго был без женщины... В общем, черт знает что и больше ничего!

В туалете он глянул на свое отражение в зеркале. Глаза блестели каким-то странным, темным блеском. Ему показалось, что это блеск смятения. Но разбираться в таких тонко-

стях было некогда: неудобно, что женщина ждет его на улице, как собачонка.

Дождь кончился, и сразу исчез странный рассеянный свет, которым было освещено все это странное же утро. Небо было затянуто плотными тучами. Это было обычно для конца сентября.

Иван огляделся. Возле кафе никого не было. Сердце у него екнуло.

– Северина! – позвал он.

Мимо шли прохожие – обычные люди. Северины не было. Он добежал до перехода через Краснопрудную, взгляделся в противоположную сторону улицы – ее не было и там.

Может, не было ничего странного и тем более опасного в том, что взрослый человек ушел себе куда-то посреди белого дня, но сердце у Ивана колотилось так, словно он потерял ночью в лесу несмышленного ребенка.

До площади трех вокзалов он не дошел, а добежал. И только вылетев к платформам пригородных поездов Ярославского вокзала – почему-то именно Ярославского, – Иван понял, что смысла в его беге не было никакого. Как ее искать в этой переменчивой и, главное, мгновенно переменчивой толпе? Где ее искать, на каком вокзале?

«И зачем ее искать? – вдруг подумал он. – Захотела – пришла, легла в постель с первым встречным. Надоело – ушла. Со вторым встречным ляжет».

Его охватила злость на эту бессмысленную девицу с непо-

мерным самомнением. «Я поэт»! Как это эффектно – поэт уходит не прощаясь!

Ивану противны были эффекты такого сорта, и участвовать в них он не желал. И что там саднит в сердце, разбираться не желал тоже. Досада саднит, ничего больше. Противно чувствовать себя идиотом, вот и все.

Он говорил себе это все время, пока шел к метро через площадь. И на эскалаторе говорил себе это, и в вагоне. И когда, уже выйдя из метро, шел к Институту океанологии, повторял себе то же самое.

Он не принадлежал той жизни, в которой существовали такие вот девушки с их стихами или с их картинами, неважно. Если бы он не наблюдал подобную жизнь с самого детства, если бы она не претила ему так сильно, он никогда не стал бы тем, кем стал, никогда не увидел бы мир, огромный и разнообразный, и, может, так и думал бы, что жизнь заключается в болтовне с бессмысленными людьми о бессмысленных и случайных движениях их кистей по холстам, в придумывании какого-то жалкого, из головы идущего мира... Как будто можно придумать мир более ярким, интересным, мощным, чем он есть на самом деле!

У него была другая жизнь. Другая! Он прорвался к ней, он впитал в себя ее широту и свободу, он был в ней не последним человеком. И незачем ему было выходить из нее, ничего хорошего не было за ее пределами. Он просто в очередной раз в этом убедился, вот и все.

Глава 7

Возвращаться домой Нелли не любила всю жизнь.

То есть с тех пор не любила, как стала жить самостоятельно, отдельно от Тани. Но это было так давно, что теперь, к шестидесяти годам, всю ее жизнь можно было уже считать отдельной. Детство и короткая несамостоятельная часть юности казались сквозь годы такими призрачными, словно принадлежали не ей, а какому-то другому человеку. И это ощущение призрачности было понятно: ведь все главное, что случилось в ее жизни, случилось, уже когда она жила одна.

Нелли поднялась к себе – на чердак, как говорили здешние завсегдатаи. В ее мастерской было что-то парижское, это не могло не нравиться и нравилось всем. Кроме Ваньки: сына с детства раздражали любые признаки богемности.

«Долго ему пришлось с той девчонкой возиться?» – вспомнила Нелли, открывая входную дверь.

За два дня, проведенные в Питере, она, конечно, забыла, что, уезжая, оставила сына в мастерской. Но зачем ей было держать это в голове? Не в тайге же она его оставила, тревожиться не о чем. Впрочем, если бы и в тайге – Ванька так хорошо умел не просто ладить с действительностью, а управлять ею, что трудно было представить обстоятельства, при которых о нем следовало бы тревожиться. Во всяком случае,

когда он в Москве и у него есть крыша над головой.

Таня, правда, не разделяла такой Неллиной уверенности в отношении сына, но почему – не объясняла.

Посередине кровати лежало снятое и сложенное постельное белье. Значит, Ванька ночевал все-таки, менял постель.

«Интересно, дала она ему или нет? – подумала Нелли. – Да ну, конечно, дала. Ему-то!»

Она смутно помнила девушку, из-за которой Ванька остался в мастерской, – так, что-то неказистое, совершенно неприметное. Но если бы и что-то особенное, все равно трудно было вообразить женщину, на которую не произвел бы впечатления ее сын.

«Главное, и не старается ведь нисколько, – подумала Нелли. – Само собой у него выходит. Ну, удивляться нечему. Такая уж ему натура досталась».

Какое впечатление производит на женщин такая натура, как у ее сына, она знала по себе. Если на нее точно такая вот натура произвела впечатление тридцать с лишним лет назад, и до сих пор то впечатление не забыто, то вряд ли женщины разительно изменились за эти годы.

Нелли забрала с кровати белье, мимоходом полюбовалась самой этой кроватью. Нравилось ей, как устроен ее быт! Просто, стильно, без излишеств. Все-таки представления, усвоенные в юности, оказываются самыми прочными. А в ее юности считались ужасной пошлостью вот именно излишества – плюшевые кресла, тахта «лира», торшеры с абажурами.

Время тогда было оголенное, как провод под током, острое, сильное. Нелли скучала о том времени, хотя и горечи в нем тоже было немало.

«В конце концов, горечь ведь потом была, – думала она, пока включала стиральную машину. – А сначала – одно веселье».

Что за подобным весельем с неизбежностью следует похмелье, в юности она, конечно, не думала. То есть просто не знала она этого тогда. Но и теперь, когда тяжесть такого похмелья она знала уже всем своим нутром, всем опытом, – Нелли понимала, что все равно не стала бы изначально учитывать возможность такой тяжести.

Просто жила бы. Как тогда.

Таня жила скучно. Как ни любила Нелька сестру, но не понимать, как скучно та живет, было невозможно.

Ладно раньше, когда Таню не брали ни на какую хорошую работу, потому что их с Нелькой папа, попавший в плен на войне, считался изменником родины. Тогда, конечно, выбирать, как жить, было невозможно – хоть бы как-нибудь выжить. Нелька, которая тогда еще и до восьмого класса не доучилась, готова была и сама устроиться подъезды мыть, да Таня не позволила. Но потом-то, когда папу реабилитировали, и вернули Нельке с Таней родительскую квартиру в Ермолаевском переулке, и они наконец переехали из комнатки в коммуналке у Рогожской заставы на Патриаршие пруды, – тогда-то почему же было не придумать для себя настоящую

жизнь, такую, чтобы воздух вихрился вокруг?

Но Таня ничего придумывать не стала, а занялась скучнейшим делом: пошла преподавать русский язык. И что с того, что не в школе, а в университете? Стоило Нельке представить, что она с утра до вечера учила бы хоть школьников, хоть студентов склонениям и спряжениям, как у нее даже скулы сводило от скуки. Нет, ни за что!

К счастью, у нее был талант, поэтому скука в ее будущей работе исключалась.

Про Нелькин талант говорили все: и преподаватели в художке, и все знакомые художники, и даже совсем несведущие люди вроде соседки Филатовой, которая выпросила у Нельки натюрморт с сиренью, потому что «такой красоты, как у тебя на картинке, Нелличка, я даже в природе не видала!»

Натюрморт с сиренью Нелька отдала без сожаления, хотя глупых дамочек вроде Филатовой презирала. Красивенькая картинка Нельке была без надобности: она считала, что всякие сирени-розы можно писать только в качестве учебного задания, и предназначены подобные творенья именно для таких, с позволения сказать, ценительниц, как Филатова, которые об одном только и просят художников: «Сделайте нам красиво».

Сирень Нелька написала по памяти. Когда она была маленькая, они с Таней жили в Тавельцеве, от Москвы час на электричке. Отец купил тавельцевскую дачу перед войной,

а после войны про нее, видимо, забыли, поэтому отобрали у дочерей доктора Луговского не сразу – Нелька успела провести на ней детство. Потому и написала сирень в два счета, хотя в их унылом дворе у Рогожской Заставы сирень росла чахлая, как сорняк. Память у нее была цепкая, какую и положено иметь настоящему художнику.

У нее вообще все было именно такое, как нужно для художника, и поэтому она с детства знала, что будет художницей, и с детства жила как сама хотела, потому что – зачем же прилаживаться к обычной, как у всех, жизни, если знаешь, что она у тебя будет совсем не обычная и не как у всех?

Впервые Нелька поняла это в художественной школе; ей было тогда лет пятнадцать.

Собственно, ничего особенного не произошло в тот день, когда она это поняла. Нелька просто пробежала по коридору художки и краем уха слышала, как Савва Георгиевич Конушевицкий, преподаватель рисунка, говорит новому, только что после училища, педагогу Вадиму Андрееву:

– Вадим Павлович, могу я попросить вас об одной услуге?

Нелька замедлила бег и пошла чинным шагом. Вообще-то такой темп был ей совсем не свойствен, но очень уж стало интересно, о какой услуге может просить Конушевицкий. Он был старый, лет уже, наверное, пятидесяти, всегда был погружен в собственные мысли и носил зимой и летом единственный свитер, хотя всем было известно, что живет он один и его картины покупают иностранцы, то есть вряд ли

ему недостает денег. При взгляде на Конушевицкого приходила в голову только одна мысль: что ему просто не нужно от жизни ничего. И вдруг оказывается, все-таки что-то нужно! Ну как тут не прислушаться?

– Конечно, Савва Георгиевич, – ответил Вадим.

А Вадим этот, кстати, был дико симпатичный и на Нельку поглядывал с особенным интересом. Она отлично различала такой интерес в обращенных на нее мужских взглядах, потому что часто его в них видела и с удовольствием на него отвечала.

– Вы не могли бы сходить со мной в универмаг, или как называется теперь магазин готового платья? Дело в том, что я приглашен на банкет. Мой бывший студент получил Государственную премию, и мне неловко ему отказать, хотя я не любитель подобных собраний. Впрочем, это неважно. Меня беспокоит отсутствие костюма. Ведь на банкет, я думаю, положено являться в костюме. Или я ошибаюсь?

– Наверное, положено, – кивнул Вадим. – И я, конечно, с удовольствием с вами схожу. В ГУМ можно или в ЦУМ. Но вообще-то, Савва Георгиевич, такой человек, как вы, может прийти на банкет в чем угодно.

– Вы так считаете? – обрадовался Конушевицкий.

– Не я так считаю, а так оно и есть. Хотя в рубище, хоть в павлиньих перьях, это не имеет значения. Вы же художник, Савва Георгиевич. Вам можно все.

Вот так вот, значит! Нелька чуть не подпрыгнула от ра-

дости. Значит, правильно она догадывалась, что художник – это не только труд, о котором ей беспрестанно твердит Таня, не только вовремя сданные задания по рисунку, не только поступление в Суриковский институт, но и право жить не так, как все! Вот именно право, и дается оно не за заслуги, а уже за сам факт того, что ты художник! И если ты этим правом не воспользуешься, это значит, что ты зарыл свой талант в землю. А зарывать свой талант в землю нельзя, и когда Таня говорит Нельке, что стыдно пропускать занятия в художке ради того, чтобы сбежать в кино с очередным кавалером, она всегда напоминает ей как раз про землю и талант.

И оттого, что Нелька это поняла, через несколько лет, когда круг ее общения состоял уже не из мальчиков и девочек, а из настоящих художников, – у нее не было никаких затруднений с тем, чтобы жить в этом кругу, улавливая его неписанные законы, предназначенные для необычных людей, и принимая их легко, как единственно возможные.

Но это ей еще только предстояло. А пока она спускалась по залитой солнцем лестнице художественной школы, и сердце у нее пело от сознания того, какая прекрасная, какая необыкновенная жизнь ей предстоит.

Глава 8

– Популярность – это еще хуже компромисс, чем... – Олег не сразу подобрал нужное сравнение. – Чем стучать в гэбуху, вот что!

– Ну, это ты, старик, загнул, – усмехнулся Егоров. – Нет, я к популярности не стремлюсь, это само собой. Но стукачество все-таки похуже будет, чем вернисаж в Манеже.

Нелька переводила взгляд с Олега на Егорова. Она слушала их разговор так внимательно, что даже про водку, которую ей надо было выпить, забыла. Она впервые сидела среди таких вот людей, среди настоящих взрослых художников попросту, как своя. Понимать это было так упоительно, что куда там водке!

Впрочем, надолго забыть про водку ей не дали.

– Что не пьешь, Нелличка? – спросил Егоров. – Трезвой в пьяной компании сидеть подозрительно, учти.

– Почему? – не поняла Нелька.

– А вот за стукачку как раз и примут, – усмехнулся тот.

Нелька так расстроилась, что у нее даже кровь бросилась в лицо, хотя вообще-то, в силу лихого характера, она не краснела никогда, даже вообразить себе не могла такую причину, которая заставила бы ее смутиться.

Но сейчас она не просто смутилась, даже не просто расстроилась, а по-настоящему испугалась.

– Я не потому! – глупейшим образом воскликнула Нелька. – Я просто заслушалась!

Она перевела взгляд с Егорова на Олега, словно ожидая от него поддержки.

– Ладно, ладно. – Олег улыбнулся широко, свободно, так, как только он умел. У Нельки стеснялось дыхание, когда она видела его улыбку. – Ты вне подозрений.

Егоров при этом многозначительно взглянул на Нелькин стакан, и она поспешно выпила водку, поперхнувшись при этом и закашлявшись, потому что пить водку как положено, одним махом, не умела. Да и когда Нелька могла этому научиться? Водку она сегодня пила первый раз в жизни, до сих пор ее навыки ни на что крепче вина не распространялись.

Но ведь до сих пор она и не сидела как своя среди таких вот людей – не просто взрослых, а настоящих. Ощущение, что она находится в самом центре жизни, на самом ее пике, в самой острой ее части, – это ощущение охватило Нельку с той самой минуты, когда она познакомилась с Олегом.

Вернее, с той минуты, когда он привел ее к себе на чердак и усадил за длинный, сбитый из неструганых досок стол вместе со своим другом Егоровым. Олег сделал это легко, как-то мимоходом, без церемоний; это-то и ошеломило Нельку больше всего. Как будто иначе и быть не может, что самая обыкновенная девчонка – пусть даже и студентка Суриковского института, мало ли студентов! – сидит в святая святых той жизни, которую только и можно считать жизнью настоя-

щей. Тем более она первокурсница еще.

– Закусывай, Нель, закусывай. – Олег придвинул к ней банку, стоящую посередине стола на газете. – Без закуски тебе еще пить рановато.

Нелька поспешно выудила из банки кусок разлезшейся кильки. Вообще-то она с детства терпеть не могла рыбный запах, но не признаваться же в этом Олегу и Егорову. Подумают еще, что она какая-нибудь фря привередливая. Лучше уж задержать дыхание и съесть вонючую кильку. По счастью, она все-таки плавает в томате, а это немного отбивает запах.

– Единственное неудобство неконформизма – отсутствие мастерской, – вздохнул Егоров. – Хорошо тебе, ты вон какой бык здоровый, можешь дворником работать. А каково нам, гнилым интеллигентам?

– А приобретаешь полезные навыки, – усмехнулся Олег. – С утречка метлой помашешь – глядишь, к вечеру вдохновение посетит. Работай над собой, старик.

Нелька уже знала, что чердак, на котором они сейчас сидят, это не мастерская, а просто служебная жилплощадь, которую Олег занимает потому, что работает дворником. Неподалеку, на Верхней Масловке, стоял дом, в котором находились официальные мастерские. Но к тем, кому выдавал такие мастерские Союз художников, настоящие художники относились со снисходительной усмешкой или с презрением.

Настоящие художники не имели ничего. Это была честная бедность, по которой их можно было узнать безошибочно. И

то, что она теперь допущена в этот честный круг, наполняло Нельку такой гордостью, которой не наполняло ее до сих пор ничего – ни похвалы педагогов в художке, ни даже ее недавнее блестящее поступление в Суриковский институт.

От водки голова у нее закружилась, а все тело наполнилось приятным звоном. От вина ничего такого не бывало – от него хмель был какой-то тупой, похожий на усталость. Выходит, с такими людьми даже хмель получается особенный!

Но все-таки головокружение оказалось сильнее, чем Нелька ожидала. Она даже ладони к вискам прижала, чтобы остановить кружащуюся голову.

Олег сразу это заметил.

– Голова кружится? – спросил он. И сердито сказал уже не ей, а Егорову: – Ну чего ты ее спровоцировал? Нашел кого в стукачестве подозревать!

– Да никого я не подозреваю, Олег, ты что? – пожал плечами Егоров. – Но надо ж ей было выпить. Девушек надо лишать иллюзий, чувак, – усмехнулся он. – Инъекция здорового цинизма еще никому не повредила. От этого не умирают. Как и от стакана водки в количестве одна штука.

– Может, приляжешь, Нель? – предложил Олег.

Его лицо кружилось перед Нелькой так же быстро и смутно, как кружилась ее голова. Да как же это так мгновенно вышло – вот только-только кружение было приятным, будоражило и веселило, и вдруг, просто в одну минуту, сделалось тягостным, невыносимым?

– Я только на минуточку... – пробормотала Нелька. – Я сейчас встану...

– Да ладно, отдыхай, – услышала она голос Олега. – Своя-лочь ты, Егоров!

– Что, весь кайф обломал? – В голосе Егорова насмешка соединялась с завистью. – Ничего, у тебя еще все впереди.

Что означал этот обмен репликами, Нелька уже не поняла. Олег помог ей дойти до чего-то твердого и горизонтального, она упала на это твердое как подкошенная, успела еще почувствовать, что под ее голову подсовывается подушка... И выключилась из жизни так, словно кто-то выключил у нее внутри электрическую лампочку. И погрузилась в крошечную темноту.

Глава 9

«Земля вспучивается пузырями, как болото. Откуда я это знаю? Ведь я никогда не бывала на болоте... Все вокруг смутно, и только эти пузыри дрожат перед глазами отчетливо, как студень. Откуда я знаю, как выглядит студень? Ведь я никогда его не ела... Таня никогда не готовила студень...»

От этого слова, вернее, от этого имени сознание начало проясняться. Да, Танино имя пронзило тьму как вспышка.

Нелька открыла глаза.

Сначала она поняла, что хочет пить. Потом – что ее подташнивает. То есть ей не то чтобы совсем уж плохо, но все-таки довольно гадко. Она с детства не любила, когда ее тошнило. Вернее, в детстве она этого не то что не любила даже, а ужасно боялась. Стоило Нельке почувствовать, что ее может вырвать, как она тут же начинала в голос рыдать, и Таня вела ее в туалет и поддерживала ей голову, пока ее рвало, потому что Нелька от ужаса вся тряслась. Хотя что уж такого особенного в самой обыкновенной рвоте?

Эти воспоминания пришли в голову явно некстати. То есть не к месту. Сознание у Нельки прояснялось быстро, и она почти сразу сообразила, где находится. У Олега, вот где, у Олега в мастерской. И нашла же о чем думать в таком месте – о рвоте!

Нелька быстро села и огляделась. Спала она, оказывается,

на дощатом топчане. Он располагался в дальнем углу чердака, под скосом крыши. Нелька села на топчане так порывисто, что ударилась об этот скос головой.

– Проснулась? – услышала она. – Быстро ты. Вот что значит молодой организм.

Олег стоял у топчана и с улыбкой смотрел на Нельку.

– Разве быстро? – пробормотала она. – Уже темно же...

Кругом в самом деле стоял полумрак. Горел торшер в противоположном углу чердака. Впрочем, это мещанское название совсем не подходило к необыкновенному сооружению, которое являлось здесь источником света. Скорее это было какое-то дерево – металлическое, состоящее из угловатых, очень выразительных конструкций, в которые были вкручены несколько голых лампочек. Нелька заметила это осветительное дерево сразу же, как только вошла сюда. Давно ли это было, интересно?

– Октябрь уж наступил, вот и темно, – снова улыбнулся Олег.

От улыбки в глубине его густой бороды можно было сойти с ума. Все Нелькины подружки точно сошли бы, если б увидели Олега! Ну, и сама она не была исключением...

– Я сейчас встану, – сказала Нелька.

Правда, она не представляла, как ей удастся это сделать: все тело было сковано вялой тяжестью.

– Не спеши. На-ка вот лучше водицы испей.

Оказывается, в руке у Олега был стакан; Нелька глаз не

могла отвести от его лица, потому и не сразу заметила.

Олег присел на корточки у топчана и поднес стакан к ее губам. Другой рукой он поддерживал ее под затылок. Это было так приятно, что Нелька даже зажмурилась от удовольствия. Впрочем, только на секунду зажмурилась: пить хотелось так, что губы трескались.

Она жадно выпила воду – показалось, одним глотком. Не напилась, конечно, но все-таки немного пришла в себя, стала как-то пободрее.

– Еще? – спросил Олег.

– Спасибо. – Нелька смущенно улыбнулась. – Я теперь сама. Я встану.

– Ну давай, – кивнул он. – Вставай, очеловечивайся. Сортир там направо по коридору. И вода тоже.

Олег ушел в другой конец чердака, стал возиться с большим скрутком проволоки – выгибать из нее какие-то фигуры.

Нелька смотрела на него издалека и думала, как все-таки здорово, когда в распоряжении у человека такое огромное пространство.

Даже теперь, когда они с Таней и маленькой Олечкой уже второй год жили в отдельной квартире в Ермолаевском переулке, Нелька не могла избавиться от воспоминаний о постоянной тесноте, в которой прошло все ее детство. Да и вообще, разве можно сравнивать квартиру, пусть даже самую удобную, с таким замечательным чердаком, как этот!

Нелька быстро надела туфли и вышла в коридор. Все, что находилось за пределами комнаты, было здесь мрачным, запущенным – и тесный туалет с полуразбитым унитазом, и умывальник со ржавыми потеками. Но стоило ли обращать внимание на такую ерунду!

Настроение у нее с каждой минутой становилось все лучше. Что-то очень счастливое должно было произойти в ее жизни. Да и не должно было – уже происходило.

Когда она вернулась в комнату, Олег засмеялся.

– Что ты? – удивленно спросила Нелька. – Почему ты смеешься?

– А на тебя потому что посмотрел. Ты в курсе, старуха, что от одного взгляда на тебя улучшается настроение? – поинтересовался он.

Может, Нелька и была в курсе, вернее, догадывалась о чем-то подобном. Но услышать это от Олега было так приятно, что у нее даже уши зачесались. И еще приятнее было, что он назвал ее старухой, как свою.

Она потерла уши и засмеялась.

– Есть хочешь? – спросил Олег.

При одной мысли о еде у Нельки к горлу снова подступила тошнота. В качестве еды сразу представились кильки в томате.

– Не-а, – торопливо ответила она. – Ни капельки не хочу!

– Понимаю, – с серьезным видом кивнул Олег и усмехнулся в бороду. – А на крестины хочешь?

– На какие крестины? – удивилась Нелька.

Чего угодно она ожидала от него, только не такого вот странного вопроса, тем более заданного таким простым тоном, словно ничего более естественного и спросить было невозможно.

– Пойдешь со мной – увидишь, – загадочно пообещал он. – Ну так как?

– Конечно! – воскликнула Нелька.

Он мог и не обещать ей ничего особенного – само предложение пойти с ним дорогого стоило. И уже неважно было, куда он ее зовет и зачем.

Глава 10

Вообще-то это был точно такой же чердак, как у Олега.

Ну да, наверное, все чердаки в старом центре похожи, неважно, пустые они или заставлены каким-нибудь ненужным хламом, – все просторные, все с видом на такие же просторные московские крыши. Вот и этот, в доме у Чистых прудов, на который Нелька поднялась вслед за Олегом по железной лестнице, не составлял исключения.

И все-таки здесь было совсем не так. Это был не его чердак, вот в чем было все дело. Не его – не Олега то есть.

Когда Олег с Нелькой вошли, их появления никто не заметил. Да и странно было бы, если бы это оказалось иначе: народу собралось столько, что не найти было местечка присесть даже на полу, не говоря о стульях, которых здесь и было-то всего штуки три, не больше.

Войдя, Олег сразу забыл о Нелькином существовании. Но она на него за это не обиделась. То есть он не то чтобы забыл о ней – просто его тут же подхватили какие-то люди, стали о чем-то спрашивать, повели показывать, как Нелька успела расслышать, какого-то виновника торжества... И что он должен был – церемонно представлять всем свою спутницу? Ерунда какая! Нелька и сама терпеть не могла церемоний и представиться кому надо тоже вполне могла сама. И вот, например, сразу после них вошла на чердак еще одна пара, в

которой женщина была красивая, как киноактриса, – ноги от ушей, светлые волосы до попы, на голове шляпа такого необыкновенного фиолетового цвета, какого Нелька в жизни не видала, – а никто на нее и внимания не обратил.

Впрочем, насчет того, что никто не обратил на красавицу внимания, Нелька ошиблась. Вначале в самом деле никто, но уже через минуту все на нее обернулось.

– Ванда! – заорал высокий мужчина в свитере красивой грубой вязки. – Ты что ж это творишь, а?!

Общий гул затих. Все уставились на красавицу Ванду.

– Но что?... – растерянно проговорила она.

– Ты куда шляпу тычешь?!

Шляпу Ванда, войдя, сняла и повесила на ручку швабры, прислоненной к стене у входной двери. Это получилось у нее очень лихо. Но после окрика мужчины в свитере она поспешно схватила шляпу и нахлобучила ее обратно на голову. Нельке показалось, что швабра при этом упала с таким грохотом, словно была чугунная. Но тут же она поняла, что грохот произвела не швабра – со стены свалилась еще какая-то конструкция, похожая на черную кованую паутину.

– Дикий народ, – заметил кто-то рядом с Нелькой. – Никакого уважения к искусству. Европейцы, что возьмешь?

Нелька оглянулась. Голос принадлежал мужчине, одетому в такие джинсы, которые можно было мечтать не надеть на себя, а разве что увидеть во сне; может, это были даже самые настоящие американские джинсы.

– Нашел европейку! – возразила женщина в льняном платье, напоминающем мешок с прорезанной дыркой, из которой торчала ее кудлатая голова. – По-твоему, Польша – Европа?

– Ну, какая-никакая...

– Именно что никакая.

– С нашей помощью, между прочим! – хмыкнул мужчина в свитере. – С братской помощью всего советского народа.

– Да ладно тебе, Тэд! Еще скажи, нам самим октябрьский переворот тоже иностранцы навязали. Германские шпионы!

– Октябрьский переворот тут вообще ни при чем! Это все гораздо позже, при Сталине началось.

– Твой Ленин от Сталина отличается только национальностью!

– Не знал, что ты антисемит!

– При чем здесь это?

– Гитлер тоже был бездарен. Все зло в мире – от бездарности!

Общий гул занялся снова, как приугасший было костер, в который подбросили сухих веток. Про красавицу с ее шляпой все забыли. Мужчина в свитере поднял с пола кованую паутину и снова закрепил ее на стене. Нелька, конечно, уже сообразила, что это была не случайная конструкция, а что-то концептуальное, составляющее со шваброй единую композицию.

«А клево, между прочим, – подумала она. – Швабра, над

ней черная паутина... Кто придумал, интересно?»

Нелька уже хотела кого-нибудь об этом спросить – она была не из тех, кто теряется в незнакомой компании. Но тут к ней подошел Олег, и она мгновенно забыла про интерес к какой-то швабре, хотя бы и концептуальной.

– Не скучаешь? – спросил он.

– Нет, – улыбнулась в ответ Нелька.

– Пойдем, покажу, ради кого мы сюда пришли, – сказал Олег.

Лавируя среди людей – ни одного пустого, стандартного, как на улице, лица здесь не было, ну ни единого! – Олег провел Нельку в центр комнаты. Там стоял большой стол, напоминающий тот, что был и у него на чердаке: тоже самодельный, сбитый из досок. Этот стол, правда, был раскрашен, доска за доской, в яркие цвета.

А на столе, подпертая чем-то сзади, стояла картина, написанная на оргалите.

«Да-а, это тебе не натюрморт с сиренью!» – подумала Нелька.

Картина была – портрет. Это было понятно каким-то неуловимым образом – ничего определенно портретного, вроде глаз или усов, разглядеть было нельзя, но ощущение, что на тебя кто-то смотрит, было совершенно определенным. Взгляд, возникающий из сплетения разноцветных линий и пятен, был насмешливый и внимательный. Впечатление насмешки, может быть, создавалось оттого, что внизу карти-

ны были изображены ярко-красные семейные трусы в синий цветочек, а из чего возникала внимательность, Нелька не понимала – она ее просто чувствовала.

– Ну вот, – сказал Олег. – Это и есть виновник торжества. «Автопортрет в семейных трусах». Панков его пять лет писал, никак закончить не мог. Одних эскизов кубометра три набралось. А сегодня вот разродился наконец.

– Здорово! – восхищенно сказала Нелька. – Похож, наверное.

– Вылитый, – усмехнулся Олег. – Особенно трусы. А вот и автор, кстати.

– Привет, старуха, – сказал автор. – Панков, разрешите представиться.

«Насчет трусов не знаю, а взгляд точно похож», – подумала Нелька.

Панков был, кажется, чуть постарше Олега; впрочем, из-за того, что у обоих были бороды, сказать это наверняка было невозможно. Нет, все-таки старше: у него в бороде проskalьзывала седина, а у Олега борода была рыжеватая, очень красивая.

– Неля, – представилась Нелька.

– Художница? – поинтересовался Панков.

– А как вы догадались? – удивилась она.

Если бы Нелька была, например, актриса и была бы при этом красавица, и он угадал бы ее профессию по красоте, то удивляться было бы нечему. Но по каким признакам он до-

гадался, что она художница, вот уж совершенно непонятно.

– В первую очередь – по живости во взгляде, – объяснил Панков. – Ее наличие означает, что у вас, мадемуазель, в жизни имеется некий самостоятельный интерес. Хотя сюда вы пришли не самостоятельно, а с этим бороатым нахалом. Далее – по отсутствию кокетства и томности. А это означает, что вы не явились сюда, дабы уловлять души и тела творческих личностей, и мою душу вместе с телом в частности. Задаю себе вопрос: какой собственный интерес мог привести на мой чердак девушку, если ей безразлична моя особа? Отвечаю: эта девушка – художница и пришла посмотреть мою картину. Я прав?

– Прав! – засмеялась Нелька.

С каждым словом этого насмешливого монолога Панков нравился ей все больше и больше.

– Ты зато мастер уловлять, – сказал Олег. – Особенно тела. Особенно красивые и женские. Не слушай его, Нелличка. А то этот соловушка тебе такого напое!

– Кстати, – вспомнил Панков, – знаешь ли ты, дева, что именно поет влюбленный соловушка?

– Что? – с интересом спросила Нелька.

– «Повел-повел... привел-привел... положил-положил...»

Панков пропел это так похоже на разливающегося трелями соловья, что Нелька расхохоталась.

– Уводи ее, старик Горяев! – воскликнул Панков. – Уводи

девушку с живостью во взгляде, ибо я за себя не ручаюсь!

Неизвестно, увел бы Олег Нельку от соловья Панкова или нет, но тут по мастерской пошла какая-то новая волна.

– Панков, пора! – гаркнул сквозь общий гул мужчина в свитере. – Хватит ханку жрать, пошли на пруд!

– Так я что? Я ж как раз и жду, когда вы уже ханки наконец накушаетесь, – пожал плечами Панков. – Пошли, раз общественность созрела. Песню – за-пе-вай!

И по этой его команде все двинулись к выходу из мастерской, и кто-то в самом деле запел. Мотив был из марша про Москву кипучую-могучую, но слова какие-то другие. Какие, Нелька в общем гуле не разобрала.

Да это было и неважно. Так весело было идти вместе со всеми – язык не поворачивался назвать этих необыкновенных людей толпой! – сначала по лестнице вниз, потом по улице Чаплыгина, потом по Чистопрудному бульвару. На бульваре все выстроились в колонну, которая выглядела довольно внушительно из-за своей многочисленности. Впереди шел Панков, держа поднятым перед собою «Автопортрет в семейных трусах».

– Снял бы ты штаны, Панков! – крикнул ему Олег. – Чтоб все видели, чей портрет.

– Ничего, сходство и так разительное, – ответил Панков.

– Без штанов мусора заметут, а так – мы что? Мы ничего, примус починяем, – сказал кто-то знакомым голосом.

Слова про примус были из романа «Мастер и Маргари-

та». Нелька очень удивилась, услышав их. Роман этот нигде никогда не печатался, и она читала его только потому, что его машинописную копию дала Тане Елена Сергеевна, вдова Булгакова. Это было год назад, Нелька еще в школе училась.

Она тогда вместе с Таней ходила к Елене Сергеевне на Никитскую, но сама по себе старуха в длинном золотом халате не слишком ее заинтересовала. И пока Таня разговаривала с этой Еленой Сергеевной, Нелька разглядывала необыкновенный фонарь, который когда-то принадлежал Гоголю, а потом попал к Булгакову. И камень под названием «Голгофа», который лежал на могиле Булгакова, тоже был взят с могилы Гоголя; это ей Таня уже потом, по дороге домой, рассказала.

А роман они с Таней всю ночь поочередно читали вслух, чтобы успеть вернуть вовремя.

Значит, его читал кто-то еще. А может, и многие из собравшихся его читали.

Нелька обернулась и увидела Егорова; он и сказал про примус. И откуда он только взялся? В мастерской его вроде бы не было. Впрочем, она уже успела понять, что люди, входящие в тот настоящий круг, в который ее так непринужденно ввел Олег, и по городу перемещаются кругами, то и дело пересекаясь в самых притягательных этого города местах. Одним из таких мест, вероятно, была и мастерская Панкова.

Пока шли от мастерской к пруду, к компании присоединилось немало народу, не только Егоров. Марш теперь пели

так громко и дружно, что Нелька наконец разобрала слова. Тем более что и Олег, шедший рядом с ней, тоже включился в общий хор.

– «Я ловлю в дале-оком отголо-оске, что случи-ится на моем веку», – красивым баритоном подтягивал он.

Пел и тот мужчина, который был в свитере грубой вязки, и тот, на котором были умопомрачительные джинсы, и девушка в платье из мешка, и красавица Ванда.

Нельке было неловко оттого, что она не поет, но она не знала слов. Впрочем, не пел и Егоров – весь его завистливый вид свидетельствовал о том, что у него нет слуха. Не пел и еще один парень, который присоединился к компании на середине пути. Нелька обратила на него внимание только потому, что у него были какие-то особенные глаза – темные, с живым блеском; вообще же он был самый обыкновенный.

Одним словом, ничего страшного не было в том, что она не поет. Здесь вообще все вели себя предельно естественно и раскованно – как кому нравилось.

Наверное, среди бела дня их колонна слишком сильно привлекала бы к себе внимание. Но сейчас, поздним вечером, лишь редкие прохожие шарахались от них и провожали их потом любопытными взглядами.

Когда дошли до пруда и остановились над спускающимся к воде откосом, Панков наконец снял брюки.

– О! – воскликнул кто-то. – Вот теперь полная идентичность!

Взяв в руки портрет, Панков спустился к воде и шагнул с берега. Нелька ахнула: все-таки лето давно закончилось, и даже просто стоять над водой было зябко.

– Не волнуйся, – усмехнулся Олег; в его голосе явственно прозвучали ревнивые нотки, и Нелькино сердце забилось быстрее. – Натура у него, конечно, тонкая, художественная, но вообще-то он конь здоровый, ничего ему не сделается.

– А я, может, из-за портрета волнуюсь. – Нелька бросила на Олега взгляд, в котором, она сама чувствовала, лукавство смешивалось с дерзостью. – Портрет ведь от воды испортится.

– И портрету ничего не сделается. Оргалит, нитрокраска – в космос можно отправлять без скафандра.

Панков громко ухнул и присел. При этом он погрузился в воду так глубоко, что и портрет, который он держал над головой, погрузился полностью тоже. Через секунду Панков вылетел на берег как ядро. Все бросились к нему.

– Ну как оно, старик?... А без труда не выловишь и рыбку из пруда!.. Это тебе не картинки малевать!.. – слышалось вокруг.

Женщина в мешковине набросила на Панкова бязевое покрывало, которое, оказывается, предусмотрительно захватила с собой. Кто-то вынул у него из рук портрет, кто-то заботливо протянул стакан с водкой, которую Панков немедленно выпил...

Все снова выстроились в колонну и двинулись обратно по

аллее вдоль пруда. Шли теперь побыстрее – видимо, оттого, что замерзли, – и марш про то, что жизнь прожить – не поле перейти, тоже пели в еще более бодром темпе.

Толкались на лестнице, толкались в дверях, толкались и смеялись, рассаживаясь на полу чердака... Нелька тоже смеялась, громко, как все, и сердце ее при этом не просто смеялось даже, а пело – так ей было хорошо.

Она сидела на полу, стиснутая со всех сторон. Рядом с ней оказался и тот мужчина по имени Тэд, у которого был необыкновенный свитер грубой вязки, и тот, у которого все было обыкновенное, кроме живого блеска темных глаз – его имени Нелька не знала, – и женщина в платье из мешка... Как же весело было в этом чудесном в тесноте своей кругу! Тем более что и Олег сидел рядом; Нелька чувствовала коленом его колено.

Кто-то налил ей водки, и она выпила, правда, с опаской, но ничего, не затошнило, наоборот, еще веселее стало, хотя веселее уж, кажется, было некуда, потом немного попила вместе со всеми, но песня быстро угасла, потому что все уже напелись досыта, потом вспыхнул спор о спектре белого цвета, и спорили так горячо, так страстно, что казалось, вот-вот подерутся, но спор утих так же мгновенно, как начался, и выпили снова...

– Чуваки, а водка-то кончилась! – вдруг сказал Тэд.

– Как?! – ахнула женщина в мешке. – Там же два ящика было!

– Ну так и нас тут два ящика, – хмыкнул Егоров. – Даже, может, три. Панков, у тебя выпить не осталось?

Ответить на этот вопрос Панков уже не мог: он крепко спал под столом, на котором стоял его «Автопортрет в семейных трусах».

– А ведь придется к таксистам идти, – заметил мужчина в американских джинсах.

Нелька уже откуда-то знала, что его зовут Ливайсом. То есть не зовут его так, наверное, а просто называют.

– Кому придется? – поинтересовался Тэд.

– Самому порядочному из нас, – усмехнулся Егоров.

– На твои провокации никто уже не поддается, – хмыкнул в ответ Ливайс. – Я считаю, надо жребий кинуть. Пусть судьба рассудит.

– Ладно вам. – Олег поднялся с пола. Он возвышался над всеми как скала – высокий, широкоплечий, надежный. – Нашли о чем спорить! Я схожу.

Все стали собирать деньги – шуршали бумажки, звякала мелочь.

– Вот дурак, например, чем отличается? Пошлешь его за бутылкой, так он и принесет бутылку, – заметил Тэд. – Одну.

– Ты про кого это? – усмехнулся Олег.

– Да уж не про тебя, конечно.

Нелька на четвереньках выползла из тесного кружка на полу, поднялась на ноги и подошла к Олегу, когда он уже стоял в дверях.

– А ты куда, Нелличка? – удивился он.

– С тобой, – улыбнулась Нелька.

– Куда это со мной? – Он улыбнулся в ответ.

«А хоть куда!» – чуть было не ответила она.

Но вслух все же произнесла:

– К таксистам.

– Вот так вот, чуваки, – ухмыльнулся Егоров. – Стоит сделать красивый жест, и будет тебе в награду Мэрилин Монро.

В его голосе явственно слышалась зависть. Впрочем, всего за один день знакомства с Егоровым Нелька успела понять, что зависть является его главной чертой. Она была в нем так органична, что даже не раздражала. Ну нельзя же, в самом деле, сердиться на кошку за то, что она постоянно хочет поймать ни в чем не повинную птичку; такая уж ее кошачья природа.

– Ну, пойдем, – бросив быстрый взгляд на Егорова и удовлетворенно усмехнувшись, сказал Олег. – С такой спутницей ни огонь, ни вода не страшны.

– А медные трубы? – язвительно поинтересовался Егоров.

Но Олег ему не ответил – открыл дверь, пропустил Нельку вперед и вслед за ней вышел из мастерской.

Глава 11

– Неужели ты не знаешь, что на Мэрилин Монро похожа?

В темноте огонек Олеговой папиросы вспыхивал и угасал, как уголек в догорающем костре. То, что Олег курит не сигареты, а простой «Беломор», очень Нельке нравилось.

– Понятия не имею!

Она сказала, конечно, чистую правду, но все-таки с небольшой поправкой: это до сих пор она не имела понятия. Но когда Егоров сравнил ее с Мэрилин Монро, Нелька сразу же представила свое отражение в зеркале и поняла: да, в самом деле похожа. Правда, чем именно, этого она сообразить не могла. Ну, блондинка, ну, глаза голубые, так ведь и Таня, например, тоже блондинка голубоглазая, они с сестрой вообще похожи, но сравнить Таню с Мэрилин Монро никому и в голову не придет.

– А чем я на нее похожа? – спросила Нелька.

Интересно, что Олег скажет?

– Сексапиллом, – невозмутимо ответил он.

Нелька чуть не упала на ровном месте. Хорошо, хоть темно было – Олег не заметил. Что такое сексапил, она вообще-то не знала, но слово это так и дышало чем-то запретным.

А запретный плод сладок. Во всяком случае, для Нельки это всегда было так.

– А что такое сексапил? – тут же спросила она.

– Хм... – Кажется, Олег все же смутился. – Ну, как бы тебе объяснить... Надо будет Дэна спросить, он английский знает. В общем, это когда девушка такая... соблазнительная.

При слове «соблазнительная» Нельке всегда представлялась пухленькая пышечка, щечки-яблочки. Нет, на яблочную пышечку она явно не похожа, значит, сексапил – это что-то другое. Ладно, сама разберется, не маленькая.

– Нель, а сколько тебе лет? – спросил Олег.

– Восемнадцать. А что?

– Выглядишь моложе.

– В моем возрасте это еще не воспринимается как комплимент! – низким голосом проговорила Нелька и, не выдержав взрослого тона, расхохоталась.

Олег улыбнулся тоже – это было понятно по тому, как дрогнул в его бороде папиросный огонек.

– Где ты это слышала? – спросил он.

– Не помню. – Нелька беспечно махнула рукой. – Где-то слышала, не сама же придумала.

– Ты клевая девчонка.

У нее даже в носу защипало от удовольствия. Вообще-то она, конечно, и сама считала себя девчонкой ничего, но одно дело считать самой, и совсем другое, когда об этом говорит тебе настоящий мужчина.

Они снова вышли по улице Чаплыгина на Чистопрудный бульвар. Как покупать водку у таксистов, Нелька вообще-то не знала: ей никогда не приходилось этого делать. Да и с кем

она могла бы это делать? Не с Таней же и не с одноклассниками из художки. Может, конечно, ее однокурсники по Суриковскому были в этом деле доками, но Нелька училась в институте всего только месяц и еще не успела ничего такого о них узнать.

Впрочем, с Олегом Нелька познакомилась даже не месяц, а всего один день назад в магазине Художественного фонда на Кузнецком Мосту, где покупала краски, а узнала она за этот день столько нового, сколько, кажется, за всю предыдущую жизнь ей узнать не пришлось.

Машин с зелеными огоньками в обозримом пространстве что-то не наблюдалось. Ночной бульвар был пуст, тих и тишен.

– А вдруг мы таксистов не найдем? – повертев головой, сказала Нелька.

– Расслабься – ты с мужчиной, – ответил Олег.

Нелька засмеялась. Сказано было просто, ясно и по существу.

Сунув руки в карманы штормовки, Олег пошел к Кировским Воротам. Нелька вприпрыжку бежала за ним. Ей было весело, в носу снова щипало, теперь уже от любопытства.

Глаз у Олега, конечно, был более наметанный, чем у нее, – зеленый огонек такси он разглядел издалека.

Он подошел к водительской дверце «Волги», что-то сказал в приоткрытое окошко. Нелька вертелась рядом, будто собачонка, но, как ни прислушивалась, содержания беседы

расслышать все же не сумела.

Да и не было вообще-то никакой беседы. Таксист и Олег обменялись двумя короткими фразами, после чего Олег протянул в окошко деньги и принял оттуда две бутылки водки.

– И все? – с каким-то даже разочарованием спросила Нелька, когда они отошли от машины.

– Думаешь, не хватит? – спросил Олег. И сам себе ответил: – Конечно, не хватит. Туда ж как в прорву, сколько ни влей, все мало будет.

Он распахнул штормовку, вставил бутылки во внутренние карманы, усмехнулся:

– На грудь. Как партбилет.

– У тебя есть партбилет? – удивилась Нелька.

Олег расхохотался.

– Интересное у тебя обо мне сложилось впечатление! – сквозь смех сказал он.

– Да нет, я вообще-то ничего такого про тебя не думала... – смущенно пробормотала она.

– И на том спасибо, – кивнул Олег. И поторопил: – Ну, пошли, пошли. А то у народа трубы горят.

В ночной тишине его шаги были слышны громко, отчетливо – шаги сильного, твердо ступающего по земле человека.

Три тени возникли перед ними, когда они уже дошли до угла улицы Чаплыгина.

«Они что, думали, Олег таксистов сам не найдет?» – мелькнуло у Нельки в голове.

Ей в самом деле показалось, что кто-то спустился за ними с чердака, чтобы помочь в покупке водки. Но уже через минуту она поняла, что те, кто идет к ним из темноты, — люди совсем незнакомые. У них был слишком серый, слишком невыразительный вид, вот по чему она узнала чужих. Хотя странно было считать серыми людей, которые виднелись перед нею лишь силуэтами.

— Водочки взяли? — спросил один из них.

На голове у него была кепка — даже в темноте было видно, что мятая.

— Допустим, — сказал Олег.

Голос его прозвучал напряженно — не настороженно, а вот именно напряженно. Нелька почувствовала, что и ее охватывает напряжение. Хоть Олег и сказал ей, что с мужчиной она может расслабиться, хоть она и поверила ему сразу, но чувства, что она действительно может не волноваться, у нее почему-то не было.

«Не привыкла, наверное, — мельком подумала Нелька. — Ну конечно, не привыкла».

Да и когда бы она могла привыкнуть к тому, что о ней заботится мужчина? Когда Нелька была маленькая, о ней заботилась Таня, а когда подросла, то как-то само собой получилось, что они обе сами заботятся о себе и друг о друге... Но размышлять об этом сейчас было явно не ко времени.

Второй тип, тоже в бесформенной кепке — под одно лекало их сделали, что ли? — подошел почти вплотную к Олегу и

коротко, зло бросил:

– Давай бутылку.

– Э, чувак, ты чего? – Олег сделал шаг назад. – Какую бутылку?

– Обе! – рявкнул третий.

За те несколько секунд, которые длился этот зловещий разговор, он успел зайти Олегу за спину. От его голоса Олег вздрогнул и обернулся. Теперь он оказался стоящим спиной уже к двум другим типам.

Все это выглядело так как-то... опасно, что Нелька вскрикнула. Зря она, наверное, это сделала – от ее вскрика Олег отшатнулся назад и налетел на одного из тех типов, что стояли у него за спиной.

– А-а!.. – заорал тот таким заполошным голосом, будто его насадили на пику. – Ты ж мне ногу отдал, падла!

Он толкнул Олега сзади, и так сильно, что этого невозможно было ожидать от такого тщедушного существа, каким он выглядел.

От его толчка Олег упал на асфальт. Даже не упал, а просто рухнул. Нелька и не поняла, как это может быть, чтобы такой высокий человек упал вот так, плашмя, даже руки перед собой не выставив. При этом раздался какой-то странный и страшный звук, похожий на хруст костей.

Услышав этот звук, Нелька завизжала так, что у самой уши заложило, и бросилась к типу, который толкнул Олега. Она не очень-то понимала, что собиралась ему сделать – гла-

за выцарапать, что ли? Но ярость ее в этот момент охватила такая, что способна она была, кажется, на все.

Но сделать она ничего не успела. У нее за спиной раздался звук шагов – не бега, а вот именно шагов, стремительных – и сразу за этим, без единого слова, глухой звук удара. Затем крик, еще удар, снова крик, переходящий в мат и вопль...

«Между собой они подрались, что ли?» – мелькнуло у Нельки в голове.

Ничего другого она подумать не могла, потому что Олег в этой схватке явно не участвовал: он еще только вставал на четвереньки, держась одной рукой за грудь. Но два типа в кепках при этом лежали на асфальте – уже без кепок, кажется. Третий, наверное, убежал; Нелька услышала его удаляющийся топот.

Вообще-то они не лежали – один катался по асфальту, другой корчился на месте, оба выкрикивали что-то злое и бессмысленное... Уличный фонарь был далеко и светил тускло, поэтому Нелька не могла понять, что, собственно, произошло.

Потом они оба одновременно вскочили и, уже не произнося ни слова, исчезли в темноте. Все это – какая-то непонятная драка непонятно кого непонятно с кем, крик, падение нападавших на асфальт, их побег – заняло минуту, не больше.

На пустынной улице застыла тишина. Нелька бросилась к Олегу.

– Что с тобой? – воскликнула она. – У тебя сломалось что-то, да?!

– Не сломалось, – пробормотал он. – Разбилось.

Наконец Нелька сообразила, что означал тот страшный звук, который показался ей хрустом ломающихся костей. Это же просто бутылки разбились! Ну конечно, и водкой вон как пахнет; только теперь она почувствовала этот резкий запах. И упал Олег потому так странно, плашмя, что руками пытался придержать бутылки, чтобы они не разбились при его падении.

Оттого что с Олегом не случилось ничего опасного, Нельке стало так весело, что она рассмеялась. Смех прозвучал в ночной темноте громко, как в лесу – отразился от домов, словно от деревьев.

– Ты чего? – удивленно спросил Олег.

Он уже поднялся на ноги и смотрел теперь на Нельку сверху удивленным взглядом.

Объяснять, в чем дело, Нелька не стала. Ну не могла же она сказать, что смеется от радости, потому что Олег жив-здоров. Совсем ему не обязательно знать, что она о нем беспокоится!

– Спасибо, – сказал Олег.

Теперь уже Нелька посмотрела на него удивленно: за что это он ее благодарит?

– Не за что, – услышала она у себя за спиной.

Оглянувшись, она увидела еще какого-то человека. Он

стоял, прислонившись плечом к стене дома. К нему, а не к Нельке, конечно, и обращался Олег.

– Что, обе разбились? – спросил этот человек.

– Обе, – вздохнул Олег.

– Сочувствую.

Никакого сочувствия в его голосе, впрочем, не прозвучало.

– А откуда ты узнал, что я две взял? – с интересом спросил Олег. – А, Дэн?

– Слышал, как тебя умело подвели к этой идее.

Теперь в его голосе прозвучала усмешка. Он шагнул поближе, Нелька наконец разглядела его лицо и вспомнила, кто он такой. Это был тот самый парень, который присоединился к общей компании во время шествия с портретом к пруду и у которого ей показались заметными только очень живые глаза. Но сейчас, в темноте, глаз было особо не разглядеть, а кроме них, в нем не было ничего выдающегося. Звали его, значит, Дэн.

«Наверное, тот самый, который английский знает. У которого Олег про сексапил собирался спросить», – подумала Нелька.

Но уточнять такую глупость она, конечно, не стала.

Олег снял штормовку и выгреб из ее карманов осколки водочных бутылок.

– Хоть в рот выжимай, – с сожалением сказал он, встряхивая мокрую штормовку, от которой разило водкой. – Ну

Васька, ну еще сто грамм!

Нелька догадалась, что это слова из какого-то анекдота, которого она не знает. Она вообще на каждом шагу узнавала сегодня так много всего нового, что сердце у нее замирало, как на качелях, от восторга такого узнавания и, главное, от восторга такой новой, такой настоящей жизни, которая ей открывалась.

– А ты чего за нами пошел? – спросил Олег.

– Я не за вами, – пожал плечами Дэн. – Я просто так пошел. Домой.

– Повезло нам с тобой, Нелличка.

Олег обернулся к Нельке и посмотрел на нее странным взглядом. Ей показалось, что он смотрит испытующе, как будто ожидает ее реакции на что-то.

– Почему повезло? – удивилась она.

– Как же – почему? Не пойди Даниил в нужное время домой, кто бы нас с тобой от шпаны спас?

У Дэна, выходит, было и обыкновенное имя – Даниил.

– Ничего бы с вами и без меня не случилось, – усмехнулся Даниил. – Ты бы понял, что водку спасать уже поздно, и стал бы спасать девушку.

– Что было бы – покрыто мраком тайны. История, как известно, сослагательного наклонения не знает. Но за водкой все-таки сходить придется заново, иначе нас не поймет творческий коллектив. Эх, прощай моя заначка! – вздохнул Олег. – Может, погодишь пока домой идти? – спросил он у

Даниила.

– Ладно, – ответил тот.

Они снова повернули за угол и пошли по Чистопрудному бульвару. Олег шагал твердо, Даниил легко и неслышно, а Нелька между ними вприпрыжку.

– А как ты понял, что того, в кепке, сразу бить надо? – вдруг спросил Олег.

– А что с ним еще делать? – пожал плечами Даниил.

– Ладно, покарауль тут Нелличку, я сейчас, – сказал Олег, когда они дошли до площади Кировских Ворот.

На перекрестке маячил теперь только один зеленый огонек. Олег зашагал к нему.

– Ты, наверное, самбо занимаешься, – сказала Нелька.

Она еще не видела ни одного художника, который занимался бы самбо, да и вообще никого, кто им занимался бы, потому и предположила, что способ, с помощью которого можно в минуту уложить на асфальт двух хулиганов, а третьего обратить в бегство, это именно самбо и есть.

– Нет, – удивленно сказал Даниил. – С чего ты взяла?

– Ну, ты же их так быстро расшвырял.

– А!.. – Он улыбнулся. – Так для этого самбо ни к чему.

Здесь, на бульваре, фонари светили ярко, и глаза его были видны отчетливо. Ими он и улыбался – в них появлялся тот темный живой блеск, который Нелька заметила в первую же минуту, когда его увидела.

– А что для этого к чему? – с любопытством спросила она.

– Да ничего ни к чему. Они же просто выпить хотели.

– Ну и что? – не поняла Нелька. – Какая связь?

– Из-за водки никто жизнью рисковать не будет. И ничем не будет рисковать. При малейшей опасности смоемся. Во всяком случае, у нас здесь.

– Где – здесь?

– В Москве.

– Это Даниил из личного опыта вынес, – сказал Олег; Нельке показалось, что тон у него не слишком довольный. – Из тумана и запаха тайги.

Во второй раз он обернулся с покупкой водки еще быстрее, чем в первый. Нелька даже вздрогнула от его слов – не заметила, как он подошел.

– А при чем здесь запах тайги? – тут же спросила она.

– Ну, или сопок. Или где там вулканы дымятся? Он же вулканолог.

Это было ужас до чего интересно! Космонавт, геолог, вулканолог – все это были необыкновенные профессии, с которыми была связана необыкновенная жизнь. В ней так же не могло быть ничего серого, обыденного, как не могло этого быть в жизни художников, и в этом смысле вулканолог и художник казались Нельке людьми одной крови. Да и не только ей, наверное, так казалось – Даниил этот вот участвовал ведь в шествии к пруду с «Портретом в семейных трусах».

Правда, он не был похож на человека необыкновенной профессии. На вулканолога, который ходит по таежным соп-

кам, скорее похож был Олег – огромный, широкоплечий, в штормовке и с густой бородой. Во внешности же Даниила не было ничего фактурного, выдающегося, и одет он был в самую обыкновенную рубашку. Кстати, у плеча она разорвалась по шву, наверное, когда он дрался. Нелька отметила это мимоходом, потому что была наблюдательна, как все художники. И плечи у него были совсем не широкие, и роста он был среднего, даже непонятно, почему шпана от него разбежалась. Правда, в нем чувствовалась какая-то резкость, не нервная и не жесткая, а такая же живая, как блеск его глаз, но вряд ли это было то, чего могли бы испугаться уличные хулиганы. Нелька сама не очень понимала, как называется то, что чувствуется в нем так сильно. Нет, резкость – это было все-таки неточное слово.

По дороге обратно она хотела расспросить Даниила про его работу, но шли слишком быстро – Нелька почти бежала, – и глупо было бы спрашивать о чем-то серьезном при такой быстрой ходьбе. Она решила, что расспросит его об этом уже в мастерской.

- Ну, пока, – сказал Даниил, когда они дошли до подъезда.
- Как – пока? – удивился Олег. – Ты уходишь, что ли?
- Ну да. Я же и уходил уже.
- А чего тогда с нами возвращался?
- Водку охранял.
- Скорее девушку, – хмыкнул Олег. – Ладно, все равно спасибо. – Вдруг он снова бросил на Нельку тот взгляд, ко-

торый показался ей испытующим, и спросил: – Нелличка, а очень ли ты хочешь вернуться в большой творческий коллектив?

– А что? – спросила она.

– Интересная у тебя манера – вопросом на вопрос отвечать! Еврейская.

– Почему еврейская? – удивилась Нелька.

– Это ты у Дэна спроси, – засмеялся Олег. – Так как, очень хочешь?

Он смотрел ожидающе. И Нелька поняла, в чем смысл его ожидания.

– Могу не возвращаться, – ответила она.

– Отлично! – выдохнул Олег – ей показалось, с торжеством, хотя по какому бы поводу торжество? – Тогда подожди меня тут. Три минуты. Водку отдам и вернусь.

С этими словами он скрылся в подъезде.

– Я пиджак наверху забыл, – сказал Даниил. – Жалко.

– Почему жалко?

Нелька обернулась. Она думала, что он ушел, и обрадовалась, услышав его голос. Хоть она была не из пугливых, но все-таки ей стало не по себе оттого, что она осталась одна на ночной улице, по которой вовсю шастает шпана. Мало ли чего каким-нибудь придуркам захочется на этот раз! Может, не только водки.

– Потому что ты замерзла, – ответил Даниил.

– Разве? – удивилась она. И тут же поняла, что это правда.

В самом деле замерзла, только не замечала этого из-за всяких уличных волнений. — А как ты узнал?

Наверное, ее вопрос прозвучал как-то глупо, потому что Даниил улыбнулся. Впрочем, улыбка у него была такая, что стоило сгруппироваться, чтобы ее увидеть. Не на губах, а в глазах, вот такая.

— У тебя нос красный. И уши.

Без всяких возвышенных чувств он, оказывается, за ней наблюдал! И как он, интересно, разглядел ее уши?

— И ничего не красный! — фыркнула Нелька и закрыла нос рукой.

— Как медведь, — сказал Даниил.

Глаза у него теперь даже не улыбались, а просто хохотали.

— Почему как медведь? — удивилась Нелька.

— Белые медведи, когда охотятся, то нос лапой закрывают. Чтобы их на льду не видно было.

— А ты откуда знаешь? Ты белых медведей видел, да?

— Я не видел. — Ей показалось, что он немного смутился. — Мне один парень рассказывал. Мы с ним вместе в больнице лежали, ну и трепались от нечего делать.

— А где это было?

Нелька подумала, что если бы, например, она лежала в больнице, то вряд ли ее соседями по палате оказались бы люди, которые что-нибудь знают про повадки белых медведей.

— В Петропавловске-Камчатском.

— Где полночь? — засмеялась Нелька.

– Именно.

Он тоже улыбнулся. Он не отводил от нее глаз. От этого у Нельки по сердцу бежал веселый холодок. Хотя вообще-то не было ничего особенного в том, что мужчина не отводит от нее глаз. Она к этому привыкла и удивилась бы, если бы он повел себя иначе.

– А почему ты лежал в больнице? – спросила она.

– А ты, наверное, думаешь, что я с вулкана упал и меня лавой облило?

Он тоже отвечал вопросом на вопрос. Это ей почему-то нравилось. Получалось, что за ее обыкновенными вопросами открывается что-то не очень обыкновенное.

– Ага! – засмеялась Нелька.

– Зря думаешь. Просто селедки тухлой наелся, и ее даже мой луженый желудок не переварил.

– Как-то ты не похож на вулканолога, – хмыкнула Нелька. Тут он расхохотался уже не глазами, а просто в голос.

– Ни тумана, ни запаха тайги? – заметил он, отсмеявшись.

– Ну вообще-то да... – смутилась она.

Он хотел что-то ответить, но не успел – дверь подъезда открылась, и вышел Олег.

«Жалко!» – мелькнуло у Нельки в голове.

Только на секунду мелькнуло, потому что очень уж хотелось узнать, что же Даниил все-таки собирался ей ответить. Но уже в следующую секунду она встретила взгляд Олега и поняла, что ничего ей больше не хочется... В глазах у него

стояла такая страсть, что у Нельки даже зубы свело.

«Больше нам никто не помешает, – говорили эти глаза, говорила эта страсть. – Я от всех ушел, чтобы быть с тобой. Я хочу быть только с тобой, и больше мне никто не нужен!»

– Вот и все, – проговорил Олег. Нелька увидела, как губы у него становятся сухими, прямо вот сейчас становятся, когда он говорит это ей, когда смотрит на нее. – Пойдем, Нелличка?

– Да, – сказала она и шагнула к нему.

Он тоже шагнул ей навстречу, и они остановились в полшаге друг от друга. Ее макушка еле доставала до его широкой груди.

– Пойдем, – повторил Олег.

Они уже отошли от дома, когда Нелька вспомнила, что не попрощалась с Даниилом. Даже странно, что она это вспомнила, вообще-то ей ни до кого сейчас не было дела.

Она оглянулась. Улица была пуста и темна. Он исчез так же незаметно, как появился.

Олег взял Нельку под руку, и они пошли рядом, все убыстряя шаг.

Глава 12

Когда в Мурманске, как только они вошли в порт и к ним на корабль поднялось множество людей, Иван читал газеты, в которых на всех языках и в самых восторженных тонах рассказывалось про их полярную экспедицию, про погружение на дно Ледовитого океана у Северного полюса, – то можно было подумать, что готовилось это мероприятие на самом высоком государственном уровне. В действительности же оно было частной инициативой двух десятков людей. То есть, конечно, все они были сотрудниками Государственного института океанологии, и исследовательское судно «Академик Федоров», и глубоководные спускаемые аппараты «Мир» принадлежали институту. И ледокол «Россия», который прокладывал им путь во льдах, тоже был придан им государством.

Но всего этого могло и не произойти, если бы это не оказалось необходимо именно что двум десяткам частных лиц, которые все это погружение и затеяли.

Почему они это затеяли, исчерпывающе сформулировал их метеоролог Игорь Леонтьев.

– Да ладно, чего тут объяснять? – сказал он, когда в первый день после окончания экспедиции все слонялись по судну со странным чувством счастья и опустошенности. – Поколения через три никто и вопроса такого не задаст. Всем

все будет понятно – что мы сделали и для чего. А может, и не через три, а даже через два поколения смысл для всех засверкает.

Этот смысл сверкал для Ивана уже и сейчас, как сверкал, наверное, и для всех, с кем он работал на полюсе. И объяснений, для чего они затеяли эту экспедицию, никому из них не требовалось.

Но теперь, по ее окончании, Иван вместе со всеми ее инициаторами расхлебывал неизбежные последствия всякой инициативы, которая, как известно, наказуема как раз тем, что по ее результатам требуется составить горы отчетов. От того, что эти горы высятся не на бумаге, а на мониторах, суть дела не меняется.

Составлением отчетов Иван и занимался вот уже третью неделю, с тоской поглядывая в окно лаборатории, и дурацкие мысли мелькали у него в голове при каждом таком взгляде – что хорошо бы сейчас превратиться в птицу да и полететь над Москвой, кувыркаясь в воздушном океане, и лететь бы долго, до океана настоящего, а там превратиться в рыбу и нырнуть в его синюю могучую глубину...

Думать таким детским образом взрослому человеку было глупо и даже стыдно. И потому этот взрослый человек поскорее отводил взгляд от окна к экрану, где громоздились таблицы его отчета о количестве погружений и о прочих делах, которые в жизни были жгуче интересны, волновали его и радовали, а в отчетном изложении казались невыносимым

занудством.

– Вань! – услышал он и вздрогнул.

Его окликнули как раз в тот момент, когда он смотрел в таблицу, а видел темную полынью, в глубине которой медленно и смутно возникали очертания «Мира», и это значило, что пилот попал точно, аппарат поднимается благополучно, и можно вздохнуть с облегчением, потому что они в очередной раз победили эту темную глубину, жадную, опасную и манящую их всех невероятно...

– Вань, – повторил Андрей, входя в комнату. – Не слышишь, что ли? Совсем в диаграммах своих закопался. Тебя шеф зовет.

– Да. – Иван потер ладонью лоб и покрутил головой, прогоняя ненужные виденья. – Пора с этим всем завязывать. Сдать и забыть, а то уже ум за разум заходит. Прямо сейчас зовет?

– Сейчас, – кивнул Андрей.

– А что не так?

– Все так. – Андрей улыбнулся. – Только вид у него загадочный, вот что. Думаю, есть идея.

Вид у него и у самого был загадочный. Наверняка имелись и сведения о том, что за прекрасная идея возникла у заведующего лабораторией. Но Андрюха Мартинов был человек-скала: чего хочет, того добьется. Сейчас он явно хотел потомить своего друга загадочной перспективой хотя бы те пять минут, в которые Иван, как Штирлиц, будет идти по

коридору.

Что ж, значит, и правда предстояло что-то интересное. С Андреем они учились в одной группе на геофаке, проходили практику в Геленджике, работали с Кэмероном на «Титанике», погружали аппараты «Мир» во все океаны Земли – в общем, тот не хуже Ивана умел отличать важную информацию от неважной, потому что понятия об этом у них были одинаковые.

В последней экспедиции, на Северный полюс, Андрей не участвовал: некстати сломал руку чуть не по дороге в аэропорт. И раз он теперь бьет копытом и искры сверкают у него в глазах, значит, речь у шефа пойдет о новой экспедиции, в которую Мартинов рвется со всей своей застоявшейся энергией.

– Ну, пошли, – сказал Иван, откатываясь от стола. За те пять секунд, в которые он проанализировал Андрюхино состояние, ему стало весело. – Он же нас обоих зовет, правильно?

– Да я вообще-то в курсе уже, в чем там фишка, – раскололся Андрей.

Иван расхохотался.

– Все лучшее, что с нами происходит, сначала происходит у нас в голове!

Высказав эту мысль, Андрей разлил по рюмкам остаток водки.

– Да ты идеалист, Мартинов, – хмыкнул Иван. – Зря тебя

диалектическому материализму учили на кафедре марксизма-ленинизма.

– Ты еще помнишь, чему нас там учили? – удивился Андрей. – У меня вся эта фигня давно из головы выветрилась.

– У меня тоже.

В разговорах ни о чем за рюмкой водки все-таки была некоторая прелесть. Конечно, в таких разговорах давно уже не было той страсти, которая будоражила в молодости, когда казалось, что можно мгновенно решить все вечные вопросы, подружиться на всю жизнь, найти настоящую любовь и совершить еще кучу подобных дел космического масштаба.

Теперь ничего такого Ивану уже не казалось. Зато можно было под такие вот разговоры неторопливо думать о своем, плыть в облаке этих легких мыслей. Конечно, только в том случае, если и собеседник был человеком своим, и не приходилось ожидать от него обиды за собственное рассеянное состояние.

Андрюха был, безусловно, своим, и выпивать с ним за радостное известие было приятно.

– Но согласишься, Вань, если б мы с тобой не рвались отсюда куда-нибудь подальше, то так на одном месте всю жизнь и просидели бы.

– Ну, это вряд ли, – пожал плечами Иван. – Кто б нам в институте стал зарплату платить, если б мы на одном месте сидели?

– Я в том смысле, что хотел же ты в экспедицию, правиль-

но? Хотел, хотел, я же видел! У тебя уже и глаза такие, знаешь, были... Собачьи.

На сравнение своих глаз с собачьими Иван не обиделся. Он прекрасно понимал, что имеет в виду его друг: тоска стояла у него в глазах, тоска оттого, что он не живет, а только описывает ту часть жизни, которая уже прошла, да и описывает-то не по-человечески, а скучно, голо, уныло.

– В общем, Байкал на нас с неба свалился, – заключил Андрей.

Иван сразу представил себе эту картину – как с неба, вот с этого, серого, московского, октябрьского, сваливается на него огромное озеро, а вместе с ним и прибрежные скалы, и тайга, и омулевые бочки... Он встряхнул головой. Дурно на него действует долгое пребывание в городе! Черт знает что в голову лезет.

Но, по сути, он был с Андреем согласен. Известие, которое сообщил ему два часа назад заведующий лабораторией Бутузов – о том, что они начинают готовить летнюю экспедицию на Байкал, – в самом деле являлось прекрасным даром небес.

Конечно, подготовка эта только начиналась, то есть состояла пока в составлении множества бумаг – еще не отчетов, а только заявок, проектов и планов. Но во всем этом виделась перспектива, и ввиду такой перспективы Иван умел горы сворачивать без особого напряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.